

ПЯТНАДЦАТЬ

АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЪ

КЪ СОЧИНЕНИЯМЪ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Граваль Н. Каразинъ

130
148

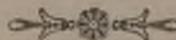
ПЯТНАДЦАТЬ

АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЪ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

Рисовалъ Н. Н. Каразинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ЗА 1893 ГОДЪ.

ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢВА.

ПОВѢСТЬ «Село Степанчиково и его обитатели», написана, Достоевскимъ въ Сибири. Это положительно одно изъ лучшихъ его произведеній и личность героя этой повѣсти, приживальщика Оомы Оомича, представляетъ замѣчательный, психологически вѣрно очерченный переходъ изъ положенія человѣка оскорбленнаго, униженнаго въ положеніе человѣка оскорбляющаго, деспота, — при первой появившейся возможности забрать власть въ свои руки. Но долго пришлось Оомѣ Оомичу переносить всяческія униженія, пока онъ самъ достигъ того, что могъ оскорблять другихъ. Говорили, что въ ранней молодости Оома Оомичъ служилъ гдѣ-то и пострадалъ «за правду», конечно; потомъ, будто-бы, сталъ заниматься литературою... Достоверно только то, что ему ни-чего не удавалось и онъ принужденъ былъ поступить къ генералу Крахоткину въ качествѣ чтеца, вѣрнѣе, просто приживальщика. Генералъ былъ большой руки самодуръ и любилъ имѣть подлѣ себя людей, надъ которыми можно было потѣшаться. И, дѣйствительно, не было униженія, котораго-бы не перенесъ Оома Оомичъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Но, будучи шуткомъ въ комнатахъ генерала, Оома Оомичъ разыгрывалъ другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Генеральша питала къ нему какое-то благоговѣнное уваженіе. Онъ читалъ ей велухъ душеспасительныя книги, со слезами на глазахъ толковалъ о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, трогательно рассказывалъ о своихъ подвигахъ и страданіяхъ, притомъ хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Мученичество Оомы Оомича и та кротость, съ которою онъ переносилъ насмѣшки и издѣвательства генерала, доставляли ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и ея домочадцевъ. Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ и передъ смертью со слезами просилъ прошенія у Оомы Оомича; это обстоятельство придавало ему много важности и, впоследствии, онъ не разъ говорилъ, что, согласясь быть шуткомъ у генерала, онъ великодушно пожертвовалъ собою исключительно изъ чувства дружбы къ Крахоткину. Послѣ смерти Крахоткина генеральша переѣхала съ Оомой Оомичемъ въ село Степанчиково, къ сыну своему отъ перваго брака Егору Ильичу Ростаневу. При всей своей богатырской фигурѣ, Егоръ Ильичъ былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго, добраго, уступчиваго характера. Раньше онъ служилъ въ гусарахъ, но, дослужившись до полковника, вышелъ въ отставку, овдовѣлъ и безвыѣздно поселился со своими дѣтьми въ Степанчиковѣ. Между матерью и сыномъ были какія-то недоразумѣнія и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала, Ростаневъ, этотъ «жестокій, непочтительный сынъ» и «мрачный эгоистъ», получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Генеральша, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, взвизгивая и рыдая, говорила, что скорѣе согласится ѣсть сухой хлѣбъ и запивать его своими слезами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго сына» переѣхать къ нему въ Степанчиково, между тѣмъ у генеральши уже всѣ вещи были уложены для отправки въ Степанчиково, а Оомѣ Оомичу поручено было вести переговоры съ Егоромъ Ильичемъ. Долго укорялъ и стыдилъ онъ непокорнаго сына «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ и довелъ бѣднаго полковника до слезъ и отчаянья. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша,

вмѣстѣ съ приживалками, собаченками и Оомой Оомичемъ, ошастливили, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Съ этого времени и началось какое-то непостижимое и безчеловѣчно деспотическое вліяніе Оомы Оомича на бѣднаго, великодушнѣйшаго Егора Ильича. Оома догадался, какой предъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ-же почувствовалъ, что прошла его роль шута, и что на безлюдьи и Оома можетъ быть дворяниномъ. Гроза, гремѣвшая надъ нимъ столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина, прошла и не воротится, а потому теперь нужно Оомѣ навестать свое прошедшее. И онъ, дѣйствительно, сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ Степанчиковѣ. Воспоминаніе о прежнихъ неудачахъ и униженіяхъ, теперь, среди такой покойной обстановки, развили въ Оомѣ Оомичѣ какое-то безграничное самолюбіе, жажду похвалъ, отличій, поклоненій и удивленій. Пользуясь своимъ неограниченнымъ положеніемъ въ Степанчиковѣ, Оома Оомичъ задумалъ женить Егора Ильича на какой-то очень богатой, но сумасшедшей старой дѣвѣ. Между тѣмъ Егоръ Ильичъ былъ искренно привязанъ къ гувернанткѣ своихъ дѣтей и мечталъ о бракѣ съ нею. Видя, что дѣло плохо, Оома объявилъ, что не можетъ оставаться въ домѣ Егора Ильича, такъ какъ подозрѣваетъ его въ нечестныхъ отношеніяхъ къ несчастной дѣвушкѣ, гувернанткѣ его дѣтей. Этого оскорбленія Егоръ Ильичъ не могъ уже вынести и едва Оома произнесъ послѣднее слово, какъ Ростаневъ схватилъ его за плечи, повернулъ, какъ соломенку, и съ силою бросилъ въ стеклянную дверь, ведущую изъ комнаты во дворъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Оома вышибъ двери, слетѣлъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ и растянулся во дворѣ. Егоръ Ильичъ сейчасъ же приказалъ посадить Оому на телѣгу и увезти изъ Степанчиково.

Въ домѣ, конечно, поднялся ужасный шумъ, генеральша упала въ обморокъ, а потомъ, очнувшись, на колѣняхъ умоляла сына вернуть Оому. Между тѣмъ разыгралась страшная гроза и начался такой ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ. Егоръ Ильичъ, конечно, не могъ устоять передъ просьбою матери и собрался было уже сѣсть на лошадь, чтобы догонять телѣгу съ Оомой, какъ вдругъ явился весь въ грязи, измокшій до костей Гаврила, мужикъ, которому поручено было отвезти Оому, и объявилъ, что лошади испугались молніи и бросились въ канаву, телѣга перевернулась и Оома вывалился въ грязь. Гаврила выпрягъ лошадей и верхомъ приискалъ доложить о случившемся, а Оома всталъ и пѣшкомъ отправился дальше. Егоръ Ильичъ вскочилъ на лошадь и понесся въ погоню за Оомой. Дѣйствительно, Оома, отпустивъ Гаврилу, побрелъ дальше, но, почувствовавъ себя одинокимъ среди бури, грома и ливня, струсилъ, повернулся въ Степанчиково назадъ и побѣжалъ велѣдъ за Гаврилой. Егоръ Ильичъ встрѣтилъ его уже въ селѣ. Тотчасъ-же остановили одну проѣзжавшую телѣгу, соѣжались мужики и усадили на нее Оому, — онъ былъ еще мокрѣе и грязнѣе Гаврилы... Когда Оому ввели подъ руки въ комнату и усадили въ кресло, онъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, «что Оома умираетъ», но онъ, конечно, не умеръ, но съ тѣхъ поръ какъ-то притихъ и смирился. Онъ великодушно сталъ содѣйствовать браку Егора Ильича съ любимой дѣвушкой и такимъ образомъ изъ маленькаго тирана, подчинившагося ему во всемъ дома, превратился въ его благодѣтеля.

ОСТОЕВСКОМУ, какъ извѣстно, самому пришлось испытать все ужасы каторги и тамъ столкнуться съ людьми совершенно отверженными, съ преступниками, убійцами. Результатомъ наблюденій надъ этими несчастными жертвами общества и являются «Записки изъ Мертваго дома» — произведение, не имѣющее ничего себѣ подобнаго во всей европейской литературѣ, какъ по яркости своего изложенія, такъ и по тонкому психологическому анализу душъ преступниковъ. — На новаго человѣка «Мертвый домъ» производит самое ужасное, самое безотрадное впечатлѣніе. Острогъ, обнесенный высокимъ заборомъ, помѣщался на самомъ краю крѣпости, бывало если и удастся арестанту посмотрѣть въ щель забора, то только онъ и увидитъ маленькій кусочекъ неба, — впрочемъ, «вольнаго» неба, не того, что такъ тяжело повисло надъ острогомъ, — да расхаживающаго взадъ и впередъ часоваго. Пройдутъ годы, и арестантъ, полюбопытствующій узнать, что дѣлается — тамъ, на волѣ, кромѣ этого кусочка неба, часоваго и вала, то зеленаго, то побурѣвшаго, то бѣлаго, снѣгомъ покрытаго, — ничего и не увидитъ... Здѣсь, въ этомъ ужасномъ домѣ, отдѣленномъ отъ всего живого, былъ свой особый міръ, свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, даже люди и разговоры были совершенно особые. Казарма, гдѣ помѣщались арестанты, представляла собою длинную, низкую и душную комнату, съ тяжелымъ воздухомъ, тускло освѣщаемую салными свѣчами. На нарахъ каждому арестанту полагалось три доски, и въ каждой такой казармѣ размѣщалось человѣкъ по тридцати народу. Казарму запирали рано и долго приходилось ожидать, пока все это успокаивалось, а до того шумъ, гамъ стоялъ въ казармѣ невообразимый. Сквозь чадъ и копотъ мелькали въ воздухъ бритыя головы, клейменные лица, оборванные, сшитыя изъ разныхъ лоскутьевъ, одежды арестантовъ; кругомъ раздавались ругательства, хохотъ, лязгъ цѣпей... Мало по малу все успокоилось, каждый занялся своимъ дѣломъ: кто сѣлъ точать сапоги, кто шить себѣ сапоги, кто пилъ чай, а тамъ, въ самомъ углу казармы, образовался кружокъ, играющихъ въ карты, Богъ вѣсть добытыхъ какимъ образомъ... И какого только народу здѣсь не было! Каждая губернія Россіи имѣла своихъ представителей: были здѣсь и на время сосланные, были и «вѣчные» — такой разрядъ преступниковъ, самыхъ страшныхъ, самыхъ ужасныхъ, назывался «особымъ отдѣленіемъ», — хотя помѣщались все вмѣстѣ, безъ разбора преступленія и срока наказаній... Были здѣсь убійцы-невзначай, были и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были и такіе, про которыхъ трудно было сказать, за что они попали сюда, — хотя у каждого, попавшаго сюда была своя повѣсть, смутная тяжелая, камнемъ давящая душу и совѣсть... Вообще о быломъ, о томъ ужасномъ случаѣ или поступкѣ, который привелъ ихъ сюда, заключенные говорить не любили, они, вѣроятно, даже старались и не думать о прошедшемъ. Рѣдко кто рассказывалъ что-нибудь о своей жизни, о своемъ быломъ. Однажды, одинъ разбойникъ сталъ

было рассказывать о своихъ звѣрскихъ подвигахъ, но вся казарма, какъ одинъ человѣкъ, закричала на него, потому что «про это» не надо было говорить, «про это» — говорить здѣсь не принято... Вообще весь этотъ народъ, за немногими исключеніями, былъ народъ угрюмый, обидчивый, но въ высшей степени хвастливый и тщеславный. Способность ничему не удивляться считалась самою высшею добродѣтелью. Никто здѣсь никого не могъ удивить. — «Мы народъ грамотный!» говорили они въ такихъ случаяхъ съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ преступникахъ замѣчалось какое-то наружное смиреніе: «Мы погибшій народъ», говорили они, «не умѣли на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣрай ряды» или: «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры», — все это говорилось часто, но говорилось въ видѣ поговорокъ, правоученій. Все это были одни слова, и никто внутренне не сознавался въ своей беззаконности. Случалось иногда, что въ ссорѣ, кто-нибудь вздумаетъ попрекнуть другъ друга его преступленіемъ — ругательствамъ не будетъ конца. И мастера-же были тамъ ругаться, ругань возведена была въ искусство, все это было утонченно, художественно. Вообще сплетни, интриги, зависть всегда были на первомъ планѣ, въ этой ужасной жизни. Да ипаче и не могло быть, если представить себѣ это множество людей, собравшихся сюда не по своей волѣ, со всехъ концовъ Россіи, людей, обреченныхъ лѣтъ на десять, на двадцать жить вмѣстѣ, никогда, ни на минуту не оставаться одному, глазъ на глазъ съ самимъ собою... Но не все были такъ мелочны и сварливы, попадались между ними и люди сильные, закаленные, безстрашные. Такихъ невольно уважали, и они, видя это, были ревнивы къ своей славѣ и держали себя съ большимъ достоинствомъ. Приглядѣвшись поближе къ этимъ людямъ, среди нихъ можно было различить много неспорченныхъ, мягкихъ натуръ. Напримѣръ, этотъ милый, кроткій Алей — горецъ, послѣдовавшій на разбой за своими братьями, потому только, что по понятіямъ горцевъ, нельзя слушаться старшихъ. Не менѣе симпатичны и Сироткинъ, скромный, милый, болѣзненно самолюбивый мальчикъ, въ порывѣ какого-то минутнаго озлобленія убившій своего жестокаго начальника, и добродушный Акимъ Акимовичъ, по глупости хватившій за край въ своемъ усердіи, и Сушиловъ, бывший дворовый, очутившійся здѣсь по простодушію, заставившему его «смѣниться» съ другимъ какимъ-то ужаснымъ преступникомъ-арестантомъ. — Вездѣ на свѣтѣ есть хорошие, добрые люди, и Достоевскій, болѣе чѣмъ кто-либо, умѣлъ ихъ находить. Въ острогѣ, говорить онъ, было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чужого страданія, что у васъ какъ-бы глаза открываются, и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали...

КАРТИНА III-я. — „ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА“ (т. III, стр. 80, изд. 3-е, 1889 г.).

НА РАБОТУ въ «Мертвомъ домѣ» смотрѣли съ ненавистью. Казенная, каторжная работа была не занятіемъ, а обязанностью; каждый обязанъ былъ ежедневно отработать свой «урокъ» или отбить узаконенное число рабочихъ часовъ. Арестанты дѣлали кирпичъ, штукатурили, копали землю, толкли алебастръ, разбирали на рѣкѣ старыя барки... Работа эта сама по себѣ не была такъ тяжела, но тягость и каторжность ея состояли въ томъ, что она была непрерывная, вынужденная, обязательная, изъ-подъ палки... Во всякой вынужденной такой работѣ есть доля извѣстной пытки, униженія, — вотъ потому каторжная работа и тяжела такъ, мучительна... Безъ своего особаго, собственнаго, свободнаго труда, безъ своей законной собственности, человѣкъ не могъ-бы выжить въ каторгѣ и окончательно обратился-бы въ звѣрь. — поэтому каждый, живущій въ острогѣ, имѣлъ свое собственное мастерство. Потребность собственного труда была такъ сильна, что многіе приходили въ острогъ, не зная никакого ремесла, но, выучившись тамъ отъ другихъ, выходили изъ каторги хорошими, опытными мастерами. Тутъ были и портные, и сапожники, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, — всѣ трудились, всѣ добывали денегъ, а деньги были необходимы, онѣ замѣняли собою чувство утраченной свободы, арестантъ былъ счастливъ, когда у него въ карманѣ позвякивала мѣдь, хотя-бы даже и тратить ее не на что было... Особенно много мастерили зимою, съ сумерками работа прекращалась, казарму запирали, и она тотчасъ-же превращалась въ огромную мастерскую. Зимою вообще казенныхъ работъ было мало, арестантовъ посылали обыкновенно на Иртышъ, ломать старыя, казенныя барки. За такую работу арестанты припимались апатично, вяло, — дѣло другое, если работа сама по себѣ была интересная и можно было выпросить себѣ на «урокъ»... Тутъ откуда-то являлись и одушевление, и спаровка, — выгоды въ этой работѣ не было никакой, но работники изъ силъ выбивались, чтобы назначенную имъ работу исполнить поскорѣе и получше. Тутъ интересовывалось даже самолюбіе: каждому хотѣлось щегольнуть своимъ исполненіемъ, сдѣлать лучше другихъ... Но въ такой работѣ, какъ разборка барокъ, — дѣлавшейся больше для проформы, чѣмъ по необходимости, — трудно было каждому отдѣльно назначать «урокъ», а надо было работать всѣмъ сообща вплоть до барабана, извѣщавшаго окончаніе трудового дня. На такую работу шли обыкновенно вяло; кучка человѣкъ въ двадцать, тридцать, сопровождаемая конвоемъ часовыхъ, побрякивая цѣпями, медленно направля-

лась къ берегу, гдѣ на замерзшей рѣкѣ нужно было разобрать двѣ старыя барки. Лица у большинства по обыкновенію были или сумрачны, или равнодушны и вялы, хотя въ толпѣ попадались нерѣдко и весельчаки, вродѣ Скуратова, запѣвавшаго какую-нибудь лихую пѣсню. Веселое расположеніе духа такого удальца-арестанта обыкновенно сначала возбуждало общее негодованіе, со всѣхъ сторонъ на весельчака сыпались насмѣшки, укоры, но остроумныя выходки и мѣткіе отвѣты расходившагося удальца мало-по-малу разгоняли мрачное настроеніе его товарищей. Такіе весельчаки, какъ Скуратовъ, какъ будто ставили себѣ въ обязанность развеселять угрюмыхъ своихъ товарищей, такихъ удальцовъ много бранили за это, но все-же и любили ихъ... Наконецъ, партія рабочихъ достигла берега. Арестанты апатично поглядѣли на замерзшую въ водѣ барку, которую нужно было ломать и, въ ожиданіи унтеръ-офицера, наблюдавшаго за работами, преспокойно разсѣлись на валяющіхся по берегу бревнахъ. Задымились трубки... Конвойные цѣпью окружили арестантовъ, хотя и позволяли проходившему какому-то мѣщанину и дѣвочкѣ подать милостыню «несчастнымъ», какъ называли въ народѣ каторжныхъ. Наконецъ явился и унтеръ; нѣсколько голосовъ попыталось-было обратиться къ нему съ просьбою — назначить «урокъ», но «начальствующій» отказалъ... Лѣнливо поднялись всѣ съ мѣста и, еле волоча ноги, поплелся къ рѣкѣ. Оказалось, что барку рубить зря не слѣдовало, а нужно было доски сохранить въ цѣлости и разбирать ихъ осторожно, одну за другою — работа долгая и скучная... Принялись было за дѣло вяло, нехотя, неумѣло, но тотчасъ-же встрѣтилось препятствіе: доски затрепали, стали ломаться, явился недостатокъ въ топорахъ, — отрядили двухъ парней за инструментами, а остальные опять разсѣлись вокругъ барки, вынули трубочки и задымили...

Надзиратель сообразилъ, что дѣло не пойдетъ на ладъ и, когда принесены были топоры, назначилъ урокъ — вынуть еще четыре доски, но цѣликомъ, осторожно, да сверхъ того разобрать значительную часть барки, тогда уже можно будетъ покончить на сегодня и идти домой. Урокъ былъ большой, но куда дѣвалась лѣнь! Застучали топоры, начали вывертывать гвозди. Всѣ вдругъ какъ-то поумнѣли, сразу сообразили, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло; не было ни лишнихъ словъ, ни ругани; всѣ знали, куда стаять, что дѣлать. Работа кипѣла! За полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ и арестанты пошли домой усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли-то всего какихъ-нибудь полчаса времени...

КАРТИНА IV-я. — „ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ“ (т. V, стр. 75, изд. 3-е, 1889 г.).

ВОПРОСЫ о преступности, о людях озлобленных, доведенных тѣмъ самымъ до преступленія, занимаютъ видное мѣсто въ произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго и даютъ намъ рядъ глубокихъ психологическихъ этюдовъ. «Преступленіе и наказаніе»,—одинъ изъ лучшихъ романовъ его,—открываетъ предъ нами яркую картину какъ самого преступленія, такъ и душевнаго состоянія преступника. Въ романѣ этомъ, какъ извѣстно, преступникомъ является Раскольниковъ, личность вполне развитая и интеллигентная,—это студентъ-бѣднякъ, но бѣднякъ мыслящій, такой, которому переносить нужду несравненно труднѣе, чѣмъ кому-либо другому. При тѣхъ усиленныхъ трудахъ, какихъ требовали его занятія, Раскольниковъ былъ лишенъ какихъ-бы то ни было удобствъ, удовольствій, доставляющихъ законный отдыхъ отъ умственнаго труда,—и онъ не могъ вынести этого, онъ озлился и не захотѣлъ такъ жить... Онъ убѣдился въ полной несостоятельности науки разрѣшить тѣ вопросы, тѣ жизненные задачи, препятствія, которыя ежедневно видѣлъ предъ собою. Углубившись въ себя, Раскольниковъ пришелъ къ той ужасной мысли, что даже честный человѣкъ можетъ совершить преступленіе, оставаясь по прежнему честнымъ и добродушнымъ, и что человѣкъ мыслящій, для исполненія какой нибудь идеи, спасительной для человѣчества, имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть чрезъ инныя препятствія, такъ какъ всѣ законодатели и установители человѣчества въ сущности тоже были преступниками... Мысль объ убійствѣ старухи-ростовщицы еще не прямо приходила ему въ голову, она только «наклеивалась у него, какъ изъ яйца цыпленокъ», когда однажды, Раскольниковъ зашелъ въ трактиръ и подслушалъ разговоръ объ этой самой старухѣ. «Глухая, безсмысленная, ничтожная, злая старушонка, никому ненужная, напротивъ, всѣмъ вредная, которая и сама не знаетъ, для чего живетъ», говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—«съ другой стороны, молодая, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь, десятки семействъ спасти отъ нищеты, отъ гибели, отъ разврата,—все это возможно на ея деньги! За одну жизнь—тысячи жизней, спасенныхъ отъ гнѣнія и разложенія... Одна смерть и сто жизней,—да вѣдь тутъ арметика!» Раскольниковъ, слыша все это, былъ въ страшномъ волненіи, несмотря на то, что это были самые обыкновенные, много разъ слышанные имъ разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговоръ и такія мысли, когда въ собственной головѣ его только-что предъ тѣмъ зародились... точно такія-же мысли? Этотъ трактирный разговоръ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Раскольника, въ немъ онъ видѣлъ какое-то предопредѣленіе, указаніе, ему вспомнилась голодная семья Мармеладова,

Соничка, доведенная нуждою до паденія, сестра Дуня, по расчету, по необходимости, выходящая замужъ за нелюбимаго человѣка,—и онъ рѣшился... Преступленіе совершилъ онъ сравнительно легко, былъ въ полномъ умѣ, все помнилъ, былъ даже очень внимателенъ и остороженъ, все старался не запачкаться кровью... Еще заранѣе, до преступленія, онъ былъ увѣренъ, что рассудокъ и воля останутся при немъ неотъемлемо во все время исполненія задуманнаго, единственно по той причинѣ, что убійство, совершенное имъ,—не преступленіе. Но едва онъ сталъ прилаживать ключи къ комоду, какая-то тревожная мысль бросилась ему въ голову, ему вдругъ захотѣлось все бросить и уйти, ему почудилось, что старуха еще жива и можетъ очнуться. Бросивъ ключи, онъ побѣжалъ назадъ, къ тѣлу, но сомнѣнія не было, что старуха была мертва. Онъ опять схватился за ключи и опять сталъ возиться съ ними у комода. Вдругъ послышалось, что въ комнатѣ, гдѣ лежала убитая старуха, кто-то ходитъ... Раскольниковъ остановился и притихъ, какъ мертвый,—ему явственно послышался чей-то легкій крикъ, какъ будто кто-то отвыисто, глухо простоналъ... Затѣмъ опять на минуту или двѣ—мертвая тишина. Раскольниковъ сидѣлъ на корточкахъ у комода и ждалъ, едва переводя духъ, но вдругъ вскочилъ, схватилъ топоръ и вбѣжалъ въ комнату убитой.. Тамъ стояла сестра покойной, Лизавета, съ большимъ узломъ въ рукахъ и вся бѣлая, какъ полотно, въ оцѣпенѣніи смотрѣла на распростертую на полу старуху. Увидавъ вбѣжавшаго въ комнату Раскольника, несчастная женщина задрожала, какъ листъ, приподняла руку и медленно стала пятиться въ противоположный уголъ комнаты, продолжая смотрѣть въ упоръ въ лицо убійцы. Раскольниковъ бросился на нее съ топоромъ... Несчастливая Лизавета до того была проста, забита и запугана всю свою жизнь, такъ безропотно переносила притѣсненія и даже побои отъ своей злой сестры, что даже тутъ, когда надъ головою ея былъ поднятъ топоръ,—она даже инстинктивно не подняла рукъ къ головѣ, чтобы защитить ее отъ удара,—только лицо ея приняло такое жалобное выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда они чѣмъ нибудь перепуганы и собираются заплакать. Ударъ былъ сильный, и Лизавета такъ и рухнулась... Чувство самосохраненія заставило Раскольника совершить это второе, случайное, нерасчитанное убійство и покончить съ несчастной Лизаветой, которую онъ всегда такъ жалѣлъ. Теперь, послѣ этого втораго убійства, Раскольниковъ почувствовалъ, что онъ уже не можетъ вообразить себя героемъ, онъ старается даже избавиться скорѣе отъ этихъ награбленныхъ денегъ и уже не думаетъ о томъ, что этими деньгами онъ можетъ спасти кого нибудь и тѣмъ оправдать себя, оправдать свой поступокъ. Но «преступленіе» было совершено и совѣсть заговорила, началось «наказаніе»...

В РОМАНЪ О. М. Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» безспорно лучшимъ мѣстомъ считается то, гдѣ Мармеладовъ знакомится съ Раскольниковымъ и съ какою-то безпощадною откровенностью высказываетъ ему все, что наболѣло у него въ душѣ. Это одна изъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ кажущійся комизмъ поглащается самымъ ужаснымъ трагизмомъ. — Ужасная мысль убить ростовицу-старуху и завладѣть ея богатствами уже бродила въ головѣ Раскольникова. И въ одинъ изъ душныхъ лѣтнихъ вечеровъ, онъ ходилъ къ ней «на пробу» — познакомиться съ устройствомъ ея квартиры, присмотрѣться, гдѣ старуха хранитъ деньги. Когда онъ возвращался оттуда домой, чувство ужаса при мысли, что онъ готовъ рѣшиться на такое дѣло, такъ овладѣло имъ, что онъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски... Проходя мимо какой-то распивочной, онъ рѣшилъ зайти туда. Народу тамъ было немного, но Раскольникова сразу заинтересовалъ, сидящій поотдалъ отъ него, человѣкъ, съ виду похожій на отставного чиновника. Это былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, небольшого роста, съ желтымъ, отекившимъ отъ пьянства лицомъ, припухшими вѣками и маленькими воспаленными глазами. Во всей фигурѣ этого чиновника было что-то странное: взглядъ его выражалъ какую-то восторженность, какую-то напряженность мысли и въ то же время въ немъ мелькало какое-то безуміе. Одѣтъ онъ былъ въ очень старое, почти совершенно оборванное платье; лицо было выбрито по чиновничьи, но вѣроятно, давно уже, такъ какъ на щекахъ и подбородкѣ густо выступала сизая щетина. Старикъ былъ въ какомъ-то волненіи, безпрестанно ерошилъ волосы и подпиралъ въ тоскѣ обѣими руками голову, положивъ продранные локти на залитый и липкій столъ. Наконецъ, онъ прямо посмотрѣлъ на Раскольникова и рѣшилъ заговорить. На томъ основаніи, началъ онъ, что въ Раскольниковѣ сразу виденъ человѣкъ образованный и къ обстоятельствамъ распивочной непривычный, а такъ какъ самъ онъ, титулярный совѣтникъ Мармеладовъ, всегда уважаетъ образованность, соединенную съ сердечными чувствами, то и осмѣливается обратиться къ нему со своимъ разговоромъ. Узнавъ, что Раскольниковъ — студентъ, Мармеладовъ всталъ съ своего мѣста и, слегка пошатываясь, подошелъ къ молодому человѣку. Онъ сильно былъ хмѣленъ, но говорилъ бойко, рѣчисто, витиевато даже, изрѣдка только сбиваясь и затягивая рѣчь. Онъ съ какою-то жадностью накинулся на Раскольникова, точно давно ни съ кѣмъ не говорилъ... Вѣроятно, чтобы смягчить впечатлѣніе, производимое его жалкимъ костюмомъ, Мармеладовъ торжественно объявилъ, что бѣдность еще не порокъ, но нищета — порокъ, такъ какъ въ бѣдности еще можно кое-какъ сохранить благородство врожденныхъ чувствъ, а въ нищетѣ ужъ нельзя, — а отсюда и пьянство... Вотъ онъ и теперь прямо съ сѣнныхъ барокъ, гдѣ обрѣтается уже пятую ночь. Дѣйствительно, на его платьѣ и въ волосахъ видѣлись приставшія былинки сѣна. Его разговоръ, казалось, возбудилъ общее вниманіе. Мальчишки за стойкой стали хихикать, даже самъ хозяинъ пришелъ съ другой комнаты послушать «забавника». Видя, что Раскольниковъ начинаетъ съ любопытствомъ его слушать, Мармеладовъ воодушевлялся все болѣе и болѣе. Онъ говорилъ о своемъ ужасномъ порокѣ, о томъ, что онъ пьетъ уже цѣлую недѣлю и пропилъ все, что можно было и жевины башмаки, и косыночку изъ козьяго пуха, и даже чулки... А живутъ они въ холодномъ, сыромъ углѣ, дѣтей у него трое и жена его, Катерина Ивановна, въ работѣ съ утра до вечера, при томъ еще нынѣшнею зимою простудилась и кашляетъ кровью... А кто-бы могъ подумать, глядя на эту несчастную, чахоточную женщину, что она окончила курсъ въ дворянскомъ

институтѣ съ золотою медалью! Кое-какъ, перебываясь со дня на день, жили они, пока Мармеладовъ не лишился своего мѣста и не былъ оставленъ за штатомъ. Года полтора пробѣдствовали они, пока не очутились въ Петербургѣ, гдѣ Мармеладовъ опять поступилъ на какую-то должность. Но тутъ, на несчастье, на него наступила его «черта», онъ запилъ, и опять лишился мѣста. Наступила страшная нужда, положительно хлѣба не на что было купить... Къ тому времени подросла и Соничка, дочь Мармеладова отъ перваго брака, и чего только не натерпѣлась эта бѣдная дѣвушка отъ своей больной, раздражительной мачихи... Образованія получить Соничкѣ, конечно, не удалось. Пробовалъ было отецъ проходить съ нею географію и исторію, да книжекъ-то нужныхъ не было, такъ на Кирѣ персидскомъ и остановились. Стала Соничка питьемъ заниматься и на домъ работу брать, — да много-ли можно такъ заработать? Вотъ господинъ Клопштокъ, статскій совѣтникъ, до сихъ поръ не отдалъ денегъ за работу, да еще съ бранью прогналъ ее, когда она стала было навѣдываться за долгомъ... А тутъ ребятишки голодные... Катерина Ивановна, съ красными пятнами на щекахъ, руки ломая, ходитъ по комнатамъ и попрекаетъ, что Соничка денегъ мало зарабатываетъ. Соничка ничего не отвѣчала, только встала, надѣла бурнусикъ, платочекъ и отправилась куда-то, а часовъ въ девять вечера пришла обратно домой и на столъ, передъ Катериной Ивановной, выложила тридцать рублей. Ни словечка при этомъ не вымолвила, только взяла большой драдедамовый зеленый платокъ, покрыла имъ голову и легла лицомъ къ стѣнкѣ. И сквозь сонъ видѣлось пьяному Мармеладову, какъ Катерина Ивановна подошла къ Соничкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣняхъ простояла, ноги ей цѣловала, а потомъ такъ и заснула обѣ, обнявшись... На другой день рѣшился Мармеладовъ пойти къ своему бывшему начальнику и рассказать ему все. Его превосходительство подробно все выслушалъ, прослезился даже, и согласился на свою отвѣтственность принять Мармеладова на службу. Когда онъ возвратился домой и рассказалъ, что на службу опять зачисленъ и жалованье получать будетъ, Господи, что радости-то тогда было! Сразу перемѣнилась жизнь Мармеладова, прежде бывало только и слышеть, что бранятъ его да попрекаютъ, а теперь на цыпочкахъ ходить стали, когда онъ, вернувшись со службы, засыпалъ послѣ обѣда. Всякое утро кофеемъ со сливками поили, откуда-то, достали денегъ на обмундировку, купили ему виць-мундиръ, сапоги, манишки крахмальныя... Свободнѣе вздохнула вся семья — всѣ были сыты, пріодѣты... А когда, недѣлю тому назадъ, Мармеладовъ принесъ свое жалованье, двадцать три рубля сорокъ копѣекъ и сполна ихъ передалъ женѣ, Катерина Ивановна отъ восторга даже поцѣловала мужа и «малыючкой» назвала... Весь этотъ день онъ промечталъ о томъ, какъ это теперь онъ можетъ все хорошо устроить и дѣтокъ пріодѣть и въ школу отдать ихъ, и женѣ можно будетъ отдохнуть и дочь свою, Соничку, отъ безчестья спасеть. Но вдругъ, на другой день послѣ этихъ мечтаній онъ, какъ воръ, укралъ отъ жены ключъ отъ сундука, вынулъ оттуда оставшіяся отъ жалованія двѣнадцать рублей и все пропилъ... Пятый день онъ уже не показывается домой, виць-мундиръ заложенъ въ распивочной, у Египетскаго моста, служба потеряна... и всему конецъ! Мармеладовъ остановился, стукнулъ себя кулакомъ по лбу, закрылъ глаза и крѣпко оперся локтями на столъ. Раскольниковъ съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ выслушалъ рассказъ несчастнаго, и мысль объ убійствѣ еще упорнѣе овладѣвала имъ, и онъ видѣлъ предъ собою людей, которыхъ нужно было спасти...

КАКЪ-ТО вечеромъ, Раскольниковъ въ мучительной тоскѣ блуждалъ по улицамъ, наткнулся на столпившуюся у какого-то шикарнаго экипажа кучку людей. Онъ протѣснился по возможности поближе и увидалъ предметъ всей этой суеты и любопытства: на землѣ лежалъ только-что раздавленный лошадыи чловѣкъ, очень худо одѣтый, весь въ крови... Раскольниковъ тотчасъ-же призналъ въ немъ несчастнаго Мармеладова и распорядился изранныаго, изломаннаго старика перенести домой, гдѣ тотъ и скончался черезъ нѣсколько минутъ. Смерть мужа сильно подѣйствовала на больную, чахоточную Катерину Ивановну, ея силы не могли выдержать еще этого новаго удара, она сразу сдѣлалась какою-то странною, очевидно было, что умъ ея помутился. Трудно было понять, почему въ разстроенной головѣ Катерины Ивановны зародилась мысль устраивать по покойникѣ поминки, — на нихъ истрачено было уже почти десять рублей, изъ денегъ, полученныхъ отъ Раскольникова, на похороны. Конечно, здѣсь въ Катеринѣ Ивановнѣ заговорила какаля-то особенная гордость, ей захотѣлось показать, что она не хуже другихъ, если ея и забила нищета, то воспитана она была вовсе не для такой доли, такъ какъ выросла она «въ благородномъ, можно даже сказать, въ аристократическомъ, полковничьемъ домѣ»... Тѣмъ не менѣе поминки не удались: почетные гости не явились... Все это чрезвычайно неприятно раздражило Катерину Ивановну. Она подозрѣвала, что виною всему Амалію Ивановна, это навѣрно ея продѣлки, что почетные гости, — полковникъ и какаля-то дама съ дочерью — не явились, а прилепалась какаля-то шушера... Впрочемъ негодованіе ея смѣнялось самымъ веселымъ, неудержимымъ смѣхомъ надъ собравшимися гостями, и преимущественно надъ самою хозяйкою, Амалію Ивановною, парадившеюся въ какаля-то высокій чепецъ съ траурными лентами и показывающею видъ, что она «покровительствуетъ» несчастной семьѣ и дѣлаетъ честь, что присутствуетъ здѣсь. Амалія Ивановна, окончательно обиженная тѣмъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія, сама рѣшилась заговорить и сказала какаля-то глупость. Катерина Ивановна не вытерпѣла и заявила хозяйкѣ, что ей лучше молчать, такъ какъ она мелеть вздоръ и ничего не понимаетъ. Та, конечно, обидѣлась... Поднялся шумъ, дѣти заплакали, гости раздѣлились на двѣ враждебныя партіи. Соня бросилась удерживать Катерину Ивановну, которой непременно хотѣлось сорвать чепецъ съ головы хозяйки... Въ эту минуту на порогъ комнаты явился господинъ Лужинъ, женихъ сестры Раскольникова, и заявилъ, что у него пропало сто рублей, а такъ-какъ передъ этимъ въ комнатѣ его знакомаго, г. Лебезятникова, сосѣда Сонички, никого кромѣ ея не было, то онъ пришелъ ея, Софью Семеновну, уличить въ воровствѣ. Можно представить себѣ удивленіе Катерины Ивановны и ужасъ Сони, когда у нея въ карманѣ дѣйствительно нашлись деньги... Къ счастью, присутствующій тутъ-же, Лебезятниковъ объявилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Лужинъ незаметно всунулъ въ карманъ Сонички деньги, когда она выходила изъ комнаты, и сдѣлалъ все это Лужинъ изъ злобы къ Раскольникову, желая унизить въ глазахъ его дѣвушку, которой онъ такъ симпатизировалъ... Всѣ кричали и тѣснились около Лужина съ ругательствами и угрозами. Положеніе его было скверное, и онъ сталъ пробираться къ выходу, но одному изъ подвыпившихъ гостей, какому-то отставному поручику не хотѣлось такъ легко его выпустить, онъ схватилъ со стола стаканъ, размахнулся и пустилъ имъ въ Лужина, но стаканъ не достигъ цѣли, а попалъ въ Амалію Ивановну. Та, съ визгомъ,

какъ бѣшеная, кинулась къ Катеринѣ Ивановнѣ, считая ея во всемъ виноватою; бѣдная, чуть не въ обморокъ, задышавшаяся женщина стала защищаться, но борьба была неравная и Амалія Ивановна, оттолкнувъ ея, какъ перышко, стала хватать все, что ни попадалось подъ руки изъ вещей Катерины Ивановны и бросать ихъ на полъ, съ требованіемъ немедленно съѣзжать долой съ квартиры. Катерина Ивановна, видя, что ея, въ день похоронъ мужа, послѣ ея-же хлѣба и соли, гонять на улицу, безпомощно зарыдала, потомъ съ сиротами, схвативъ зеленый драдедамовый платокъ, протѣснилась сквозь безпорядочную и пьяную толпу жильцовъ, своихъ гостей, и съ воплемъ и слезами выбѣжала на улицу — съ неопредѣленною цѣлью гдѣ-то сейчасъ, немедленно, и во что-бы то ни стало найти справедливость... Она побѣжала къ начальнику покойнаго Мармеладова, но генераль, конечно, раскричался и ея выгнали... Еле-еле доплелась домой Катерина Ивановна и объявила, что такъ какъ ея всѣ бросили, то она возьметъ дѣтей и пойдетъ на улицу съ шарманкой, а дѣти будутъ пѣть и плясать... Бѣдная женщина совсѣмъ помѣшалась, она тутъ-же стала учить дѣвочку пѣть «Хуторокъ», а мальчика — плясать, потомъ изъ какаля-то пестраго тряпья сдѣлала имъ шапочки и повела ихъ на улицу... Завидѣвъ это шествіе со всѣхъ сторонъ сбѣгались мальчишки и дѣвчонки. И дѣйствительно, это было странное зрѣлище, способное заинтересовать уличную публику. Катерина Ивановна въ своемъ старенькомъ платьѣ въ драдедамовой шали и въ изломанной соломенной шляпкѣ, сбившейся безобразнымъ комомъ на сторону, была въ настоящемъ изступленіи. Она устала и задышалась. Измучившея, чахоточное лицо ея смотрѣло страдальчески, но возбужденное состояніе ея не прекращалось... Она бросалась къ дѣтямъ, кричала на нихъ, уговаривала, учила ихъ тутъ-же при народѣ какъ плясать и что пѣть, начинала имъ растолковывать для чего это нужно, приходила въ отчаяніе отъ ихъ непонятливости, била ихъ... Испуганныя дѣти дѣйствительно начали пѣть и плясать, а Катерина Ивановна была въ тактъ своими сухими ладонями, иногда и она пускалась подпѣвать, но каждый разъ обрывалась отъ мучительнаго капля, отчего снова приходила въ отчаяніе и даже плакала... Если Катерина Ивановна замѣчала въ толпѣ чуть-чуть хорошо одѣтаго чловѣка, тотчасъ пускалась объяснять ему, что вотъ, до чего доведены дѣти «изъ благороднаго, можно даже сказать, аристократическаго дома». На мальчикѣ была какаля-то красная съ бѣлымъ чалма, на дѣвочку костюма не достало, но на головѣ была красная, вязаная изъ гаруса шапочка, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, принадлежавшемъ еще бабункѣ Катерины Ивановны и сохранившемся доселѣ въ сундукѣ, въ видѣ фамильной рѣдкости. Соня неотступно ходила за Катериной Ивановной, плача и умоляя ея воротиться домой, но Катерина Ивановна была неумолима. Случилось, однако, такъ, что дѣти, налуганныя до послѣдней степени уличною толпою и выходками помѣшанной матери, увидѣвъ, наконецъ, городского, который хотѣлъ ихъ взять и куда-то вести, схватили другъ друга за ручки и бросились бѣжать. Съ воплемъ и плачемъ кинулась бѣдная Катерина Ивановна догонять ихъ, но на бѣгу споткнулась и упала. Замертво внесли ея въ квартиру Сони и положили на постель. Она на время пришла въ себя, но сейчасъ же стала бредить, и это послѣднее забыте продолжалось уже не долго, Катерина Ивановна глубоко-глубоко вздохнула и умерла. Дѣти — одинъ въ чалмѣ, а другая въ ермолкѣ съ страусовымъ перомъ, прильнули къ изсохшей груди покойницы...

ДОСТОЕВСКИЙ любил дѣтей, онъ всегда такъ горячо и задушевно изображалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ и глубоко скорбѣлъ надъ тѣми дѣтьми, которыхъ горе и нужда заставили рано понимать жизнь и задумываться надъ нею. Одной изъ такихъ преждевременно и болѣзненно развитыхъ дѣтскихъ натуръ была и Нечочка Незванова... Отца своего Нечочка не помнила, онъ умеръ, когда ей было два года. Мать ея потомъ вышла замужъ за музыканта Ефимова. Судьба ея отчима была замѣчательна. Это былъ одинъ изъ несчастныхъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды талантовъ-самоучекъ, въ которыхъ иногда въ какомъ-то болѣзненномъ видѣ сказывается широкая натура русскаго человѣка. Ефимовъ игралъ сначала въ оркестрѣ одного богатаго помѣщика, а потомъ долго скитался по провинціальнымъ театрамъ, пока удалось ему осуществить свою мечту и очутиться въ Петербургѣ. Онъ познакомился здѣсь съ музыкантомъ Б., который только-что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Оба они были молоды, оба съ одинаковыми надеждами. Но Б. былъ еще въ первой молодости, онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; онъ былъ, наконецъ, прежде всего нѣмецъ и стремился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ сознаниемъ своихъ силъ, почти рассчитавъ заранее, что изъ него можетъ выйти, тогда какъ Ефимову было уже тридцать лѣтъ, онъ уже усталъ, утомился, потерялъ терпѣніе и выбился изъ своихъ первыхъ здоровыхъ силъ, цѣлыхъ семь лѣтъ бродяжничая изъ-за куска хлѣба по провинціальнымъ театрамъ и оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживалъ только какой-то энтузіазмъ, но и энтузіазмъ этотъ былъ какой-то судорожный, желчный, порывистый, какъ-будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣрится черезъ него, что еще не изсякла въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Эта восторженность поразила холоднаго, методическаго Б., онъ былъ ослѣпленъ и смотрѣлъ на Ефимова, какъ на будущаго музыкальнаго гениа. Но вскорѣ Б. увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе ничто иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминавіи о пропавшемъ талантѣ; Ефимовымъ все чаще и чаще овладѣвала апатія, тоска; порывы энтузіазма становились все рѣже и рѣже... Онъ по недѣлямъ не дотрогивался до скрипки и съ горя началъ пить. Между тѣмъ Б. улыбнулось счастье, онъ приобрѣлъ чье-то покровительство и ему удалось дать блестящій концертъ. Онъ оказался превосходнымъ артистомъ и получилъ мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра. Разставаясь съ Ефимовымъ, Б. далъ ему денегъ и со слезами умолялъ своего товарища возвратиться на истинный путь... Прошло нѣсколько лѣтъ, и однажды Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся на человѣка, дурно одѣтаго, хмѣльнаго, который окликнулъ его по имени. Это былъ Ефимовъ... Однѣмъ онъ былъ почти въ лохмотья, растрепанная манишка была залита виномъ, волосы на головѣ стали сѣдѣть и выгѣзять. Оказалось, что Ефимовъ женатъ, и женитьба эта, по его словамъ, окончательно убила въ немъ талантъ. Казалось, Ефимовъ радъ былъ, что нашелся случай, на который можно было свалить всѣ неудачи и бѣдствія. Едва были прожиты кое-какія небольшія деньги, изъ-за которыхъ Ефимовъ и женился на матери Нечочки, «музыкальный гениа» сложилъ руки и немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба погубила его талантъ, такъ какъ нельзя-же ему работать въ душевной комнатѣ, глазъ-на-глазъ съ голодной семьей... Увѣрится-же въ ужасной мысли,

что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ все еще не могъ Б. кое-какъ удалось опять пристроить Ефимова въ одинъ изъ оркестровъ, но его вскорѣ выжили оттуда за нерадивость и нетрезвое поведеніе. Ефимовъ опять очутился въ прежнихъ лохмотьяхъ... Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о пріѣздѣ знаменитаго скрипача С. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пріѣздъ каждаго новаго скрипача производилъ на Ефимова самое неприятое впечатлѣніе. Онъ успокоивался только тогда, когда въ игрѣ пріѣзжей знаменитости отыскивались какіе-нибудь недостатки. Бѣдный, помѣшанный Ефимовъ признавалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ... Но молва о пріѣздѣ гениальнаго С. произвела на него потрясающее дѣйствіе. Ефимовъ былъ какъ помѣшанный, онъ рвался послушать С., но для этого нужно было, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей. Но Б. вспомнилъ о своемъ бывшемъ товарищѣ и прислалъ ему билетъ на концертъ С. Восторгамъ бѣднаго старика не было конца. Онъ нарядился въ свой черныи, поношенный фракъ, завязалъ красивымъ бантомъ бѣлый батистовый платокъ и съ какою-то торжественностью отправился на концертъ. Уже было поздно, когда старикъ возвратился. Нечочка видѣла, какъ онъ, блѣдный, какъ смерть, стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, потомъ вдругъ подошелъ къ постели жены, прислушался, и, увѣрившись, что она спитъ, взялся-было за скрипку, но сейчасъ-же оставилъ ее и опять подошелъ къ постели жены. Онъ долго прислушивался къ ея дыханью, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ опупывать его рукою. Когда онъ приподнял голову, кака-то улыбка мелькала на его блѣдномъ лицѣ. Затѣмъ онъ, сообразивъ что-то, сталъ набрасывать на нее все, что только попадалось ему подъ руку, тутъ были и жениныя салопы, и его старый сюртукъ и халатъ, даже платье Нечочки. Онъ какъ-будто вздохнулъ свободнѣе, когда окончилъ свою работу, и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ схватился за скрипку. Музыка началась, но это была не музыка, это были не звуки скрипки, а, казалось, чей-то ужасный голосъ загремѣлъ среди ночи въ этомъ темномъ, сыромъ подвалѣ. Цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ, здѣсь слышались и стоны, и плачь, и человѣческій крикъ и, наконецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ — все это, какъ-будто соединилось разомъ. Нечочка со страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ она бросилась къ отчиму и обхватила его руками. Ефимовъ вскрикнулъ и опустить скрипку. Плачь Нечочки поразили его, онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ постели матери, разметалъ груды платья и открылъ одѣяло. Несчастная женщина лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Нечочка съ плачемъ бросилась на трупъ матери, Ефимовъ тутъ-же опустился на колѣни... Потомъ онъ всталъ и приказалъ Нечочкѣ собираться. Когда они вышли на улицу, было холодно и снѣгъ падалъ на землю мелкими хлопьями. Нечочка едва посиѣвала за Ефимовымъ, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Наконецъ Ефимовъ побѣжалъ такъ быстро, что Нечочка не въ силахъ была догнать его. Она кричала, задыхалась, но старикъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... Наконецъ она упала и лишилась чувствъ... Ефимова адежали въ какомъ-то изъ ступенномъ бѣшенствѣ уже далеко за городомъ. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ умеръ черезъ два дня. Нечочка осталась одинокою, круглою сиротою...

В СЕ ПОСЛѢДНЕЕ время, въ особенноти послѣ исторіи съ Свѣгиревымъ, Дмитрій Карамазовъ былъ въ какомъ-то невообразимомъ состояніи. Его мучило то, что онъ измѣнилъ такъ горячо любящей его Катеринѣ Ивановнѣ, а главное растратилъ ея деньги, три тысячи, которыя она поручила ему отправить по почтѣ къ какой-то своей родственницѣ, въ Москву. Грушенька, ради которой онъ измѣнилъ своей невѣстѣ, правда, временами, кажется, любила его, но и мучила его въ то-же время дѣйствительно жестоко и беспощадно. Собственно для Дмитрія весь вопросъ, его мучившій, складывался лишь въ два опредѣленія: «или онъ, Дмитрій, или отецъ»... Онъ зналъ, что старикъ Карамазовъ безъ ума отъ Грушеньки и собирается даже жениться на ней, онъ зналъ и то, что Грушенька корыстолюбива... О близкомъ-же возвращеніи «офицера», то-есть того рокового человѣка въ жизни Грушеньки, котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и страхомъ, онъ почему-то не думалъ. Онъ думалъ только о томъ, что скоро, очень скоро должно состояться его столкновеніе съ отцомъ и съ замираніемъ души ожидалъ рѣшенія Грушеньки. Ему казалось, что все произойдетъ въ его пользу. Тогда онъ тотчасъ-же увезетъ ее, какъ можно подалеже отсюда, женится на ней, и тогда начнется для него совсѣмъ новая жизнь. Объ этой другой, обновленной и уже непремѣнно «добродѣтельной» жизни онъ мечталъ поминутно и жаждалъ этого воскресенія и обновленія. Омуть, въ которомъ онъ завязъ самъ, своею волею, слишкомъ тяготилъ его, и онъ всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только-бы не эти люди, только-бы не эти обстоятельства, только-бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста—и все возродится, пойдетъ по новому! Но тутъ вставало передъ нимъ еще одно, совсѣмъ новое, постороннее, но неразрѣшимое обстоятельство. Въ случаѣ, если Грушенька скажетъ ему: я твоя, увези меня, — то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на это средства, деньги? Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Дмитріѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалась какая-то гордость. Онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ нею новую жизнь на свои средства, а не на ея. Но прежде чѣмъ увезти Грушеньку, нужно было, во что-бы то ни стало, отдать Катеринѣ Ивановнѣ ея три тысячи, иначе онъ карманный воръ и подлецъ, а еще мечтаетъ о новой жизни. Ему казалось, что лучше даже убить и ограбить кого-нибудь, но этотъ долгъ возвратить. Ужъ лучше онъ сдѣлается убійцею и воромъ, пойдетъ въ Сибирь, въ каторгу, чѣмъ Катерина Ивановна вправѣ будетъ сказать, что онъ ей измѣнилъ, укралъ у нея деньги и на эти-же деньги убѣжалъ съ Грушенькой—жизнь добродѣтельную начинать. Казалось-бы, что при такомъ рѣшеніи, кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось, а между тѣмъ онъ надѣялся, что достанетъ эти три тысячи, что они придутъ, свалятся откуда-нибудь. Онъ вдругъ порѣшилъ пойти къ купцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одинъ коммерческій планъ и достать у него подъ этотъ «планъ» искомую сумму. Въ Дмитріѣ давно уже основалось убѣжденіе, что старикъ, дышавшій уже на ладанъ, не будетъ противиться, если Грушенька устроить какъ-нибудь свою жизнь честно и выйдетъ замужъ за Дмитрія. Ему казалось, что Самсоновъ не только не будетъ противиться, но даже будетъ сочувствовать этому браку. Старикъ, конечно, посмѣялся только и надъ «планомъ», и надъ предложеніемъ Дмитрія, та-же участь постигла и его другой проэктъ объ устройствѣ золотыхъ прискоучъ съ которымъ онъ обратился къ одной богатой и восторженной

дамѣ, госпожѣ Хохлаковой. Отъ Хохлаковой Дмитрій вышелъ, какъ помѣшанный. Теперь, когда исчезла послѣдняя надежда добыть гдѣ-нибудь денегъ, этотъ сильный физически человѣкъ, вдругъ залился слезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ въ забытіи и отиралъ кулаками слезы. Очнулся онъ у дома, гдѣ жила Грушенька, забѣжалъ къ ней и узналъ, что ея нѣтъ дома. Гдѣ-же она могла быть, какъ не у старика Карамазова? Эта мысль, какъ вихрь пролетѣла въ его головѣ и, выбѣгая отъ Грушеньки, Дмитрій увидѣлъ на столѣ мѣдную ступку и въ ней небольшой мѣдный пестикъ; уже на лету онъ выхватилъ изъ ступки этотъ пестикъ и сунулъ его въ боковой карманъ. Подбѣжавъ къ дому отца, онъ увидѣлъ, что окна его комнаты ярко освѣщены. Тихо подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся комната Федора Павловича предстала предъ нимъ, какъ на ладони. Убѣдившись, что старикъ одинъ, Дмитрій осторожно постучалъ въ окно. Старикъ вздрогнулъ и бросился къ окну, онъ дѣйствительно поджидалъ Грушеньку и приготовилъ для нея деньги. Онъ весь высунулся въ окно, стараясь найти въ темнотѣ Грушеньку. Дмитрій стоялъ сбоку, у окна, и не шевелился. Страшная, неистовая злоба кишѣла въ его сердцѣ. Онъ видѣлъ предъ собою, улыбающійся въ какомъ-то сладостномъ ожиданіи, профиль отца, и въ головѣ Дмитрія пронеслась мысль: вотъ онъ, его соперникъ, его мучитель... Онъ не помнилъ себя и выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана... Захвативъ съ собою деньги, приготовленные старикомъ для Грушеньки, Дмитрій пробирался въ темнотѣ по саду, но тутъ наскокилъ на старика Григорія, слугу своего отца. «Отцеубивецъ!» крикнулъ Григорій, но Дмитрій и его ударилъ пестикомъ и полетѣлъ къ дому Самсонова розыскивать Грушеньку, тамъ ему сказали, что она съ «пріѣзжимъ офицеромъ» уѣхала въ Мокрое. Черезъ часъ Дмитрій летѣлъ уже въ тройкѣ, по дорогѣ въ Мокрое.

Быстрая ѣзда нѣсколько освѣжила его. Скакали уже болѣе часа. Сквозь блѣдный сумракъ ночи зачернѣлась твердая масса строеній. «Мокрое!» крикнулъ ямщикъ, указывая кнутомъ на постоялый дворъ, въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены. «Гони, ямщикъ, гони, звени, греми, подкати съ трескомъ, чтобы знали всѣ, кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду!» изступленно кричалъ Дмитрій. Ямщикъ пустилъ измученную тройку вскачь и дѣйствительно съ трескомъ подкатилъ къ высокому крыльцу и осадилъ своихъ заморенныхъ, полузадохшихся лошадей. Хозяинъ постоялаго двора, плотный, здоровый мужикъ, стоялъ на крыльцѣ съ фонаремъ, любопытствуя узнать, кто это пожаловалъ въ такой поздній часъ. Узнавъ Дмитрія, онъ сбѣжалъ съ крыльца и въ подобострастномъ восторгѣ бросился къ гостю. Грушенька была въ компаніи «офицера» и еще какихъ-то заѣзжихъ помѣщиковъ. Она видимо обрадовалась пріѣзду Дмитрія, такъ какъ ея бывший женихъ, полячекъ, пріѣзда котораго она такъ ожидала, оказался теперь такимъ ничтожнымъ и противнымъ, что Грушенька тутъ-же призналась, что любила всегда всегда только его, Дмитрія. Голова Дмитрія горѣла. Давеча, какъ летѣлъ онъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное имъ воровство и эта кровь, кровь! Но тогда было легче, вѣдь уже все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла, а теперь онъ видитъ, что она его одного любитъ, теперь-бы только и жить, а жить нельзя, нельзя!.. На развѣтѣ пріѣхали арестовать Дмитрія, онъ молчалъ и только дикимъ взглядомъ озиралъ всѣхъ..

МОНАСТЫРЬ, въ которомъ Алеша нашелъ спасенье отъ «Карамазовщины», прославился старцами, повидать и послушать которыхъ стекались богомольцы изъ-за тысячъ верстъ. Монастырь этотъ ничѣмъ особенно не былъ знаменитъ, въ немъ не было ни мощей святыхъ угодниковъ, ни чудотворныхъ иконъ, не числилось за нимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству... Монастырь исключительно поддерживался старцами и къ Зосимѣ, послѣднему изъ оставшихся въ живыхъ старцу, со всѣхъ сторонъ стекались богомольцы, исповѣдать свои грѣхи, сомнѣнія, страданія и изпросить у него совѣта и наставленій. Старецъ Зосима былъ лѣтъ шестидесяти пяти, происходилъ изъ богатой помѣщичьей семьи, когда-то въ самой молодости былъ военнымъ и служилъ на Кавказѣ. Жилъ онъ безъ удержу, поплылъ на всѣхъ пафсахъ, какъ онъ самъ говорилъ, вспоминая свою прежнюю жизнь. Случилось какъ-то, что дѣвушка, которая ему правила, вышла замужъ. Искусственно разжигая свое оскорбленное самолюбие, онъ «запылалъ отмищеньемъ» и безъ всякаго повода оскорбивъ своего соперника, вызвалъ его на дуэль. Внутренно онъ, конечно, чувствуетъ, что все это глупо, подло, и злится на самого себя. Тутъ случайно попадаетъ ему на глаза деньщикъ Афанасій и онъ срываетъ свою злобу на этомъ, разумѣется, безответномъ существѣ. Многие, конечно, преспокойно бы послѣ этого заснули, но Зосимѣ плохо спится... Поутру отворяетъ онъ окно въ садъ, видитъ восходить солнце, тепло, что-же это, думаетъ онъ... въ душѣ у него? Не оттого-ли, что кровь идетъ проливать? Нѣтъ, не оттого... Не оттого ли, что боится быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то... И, вдругъ, сейчасъ же догадался, въ чемъ было дѣло, въ томъ, что онъ вчера избилъ своего Афанасія... И представилась ему картина, которую не можетъ забыть онъ уже сорокъ лѣтъ, стоитъ передъ нимъ деньщикъ, а онъ бьетъ его съ размаху прямо въ лицо, Афанасій держитъ руки по швамъ, голову прямо, только вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и руки даже поднять не можетъ, чтобы защититься... Но вотъ за нимъ прѣзжаютъ секунданты, а онъ уже давно не спитъ. Когда вышли садиться въ коляску, Зосима просилъ подождать себя—побѣждалъ за кошелькомъ, а самъ прямо къ деньщику, бухъ ему въ ноги, просить прощенія... На дуэли Зосима выждалъ выстрѣлъ противника, а свой пистолетъ бросилъ въ сторону и попросилъ простить его безразсудство. Разговорами, конечно, не было конца, и полковые товарищи успокоились только тогда, когда Зосима объявилъ, что поступаетъ въ монастырь... Вотъ какова была исторія этого старца. Алеша жилъ въ самой кельѣ Зосимы, который очень любилъ его и допустилъ къ себѣ. На юношеское воображеніе Алеши сильно подѣйствовали сила и слава, которыя постоянно окружали его старца. Про старца Зосиму говорили, что онъ до того зналъ хорошо душу человѣческую, что съ перваго взгляда на лицо пришедшаго къ нему исповѣдывать свое сердце, угадывалъ, съ чѣмъ тотъ явился, что ему нужно, какого рода мученіе терзаетъ его сердце и этимъ, конечно, сразу смущалъ и поражалъ исповѣдника.

Почти всѣ, приходившіе къ старцу на уединенную бесѣду въ первый разъ, входили къ нему со страхомъ и безпокойствомъ, а выходили отъ него свѣтлыми, радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое и спокойное. Старецъ вовсе не былъ строгъ, напротивъ онъ былъ необыкновенно ласковъ, мягокъ и даже веселъ въ обхожденіи. Про него говорили, что онъ особенно привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе... Всѣ вѣрили въ какую-то чудодѣйственную силу старца, какъ какъ видѣли, какъ много больныхъ, приходившихъ къ нему за благословеніемъ и молитвою, уходили, получивъ изцѣленіе или облегченіе своихъ недуговъ. Особенно поразительное зрѣлище представлялъ моментъ, когда старецъ выходилъ къ толпѣ ожидавшихъ его выхода богомольцевъ, собравшихся со всей Россіи, чтобы увидѣть старца и получить отъ него благословеніе. Они повергались предъ нимъ на колѣни, плакали, цѣловали его ноги, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, женщины протягивали къ нему дѣтей своихъ. Нерѣдко подводили къ нему больныхъ кликушъ, старецъ накладывалъ имъ на голову эпитрахиль, читалъ краткую молитву, и больныя обыкновенно затихали и успокаивались. Многие изъ тѣснившихся къ нему, преимущественно женщины, заливались слезами умиленія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія рвались облобызать хоть край его одежды, иныя что-то причитали... Старецъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ, утѣшалъ, училъ смиренію, давалъ совѣты. Въ послѣднее время, отъ припадковъ болѣзни Зосима становился такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйти изъ кельи, и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣсколькимъ днямъ. Для смиренной души русскаго простолюдина, измученнаго трудомъ и горемъ, не было сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святую, святого, пасть предъ нимъ, поклониться ему. «Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ гдѣ-то святой и высшій; у того за то правда, тотъ за то знаетъ правду, значитъ не умираетъ она на землѣ, а стало быть, когда нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ, какъ общано!» Зналъ Алеша, что такъ именно чувствуетъ и разсуждаетъ народъ и, глядя на эти восторженныя лица плачущихъ мужиковъ и бабъ, протягивающихъ старцу своихъ дѣтей, онъ понималъ, что старецъ Зосима и есть въ глазахъ народа этотъ самый святой, этотъ хранитель Божіей правды на землѣ.. Вообще съ поступленіемъ въ монастырь, какой-то глубокой, пламенный, внутренней восторогъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ сердцѣ этого чистаго, кроткаго юноши... Не смущало его даже нисколько то, что старецъ Зосима все-таки стоитъ передъ нимъ единицею, и другіе такъ далеки отъ него... Все равно, онъ святъ, грезились Алешѣ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, въ его сердцѣ та мощь, которая установитъ наконецъ, правду на землѣ, и будутъ всѣ святые, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ, какъ дѣти Божьи, наступитъ настоящее Царство Христово!

КАРТИНА X-я. — „БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“ (Т. XII, стр. 38, изд. 3-е, 1889 г.).

ПОСЛѢДНІЙ романъ Достоевскаго «Братья Карамазовы» получил у насъ историческое значеніе и породилъ особое, характеристическое опредѣленіе «Карамазовщина». Достоевскому удалось выразить въ характерѣ героевъ своего романа нѣчто стихійное, свойственное нашей натурѣ, нашей русской жизни. Основаніемъ для «Карамазовщины» послужили черты, сказывающіяся въ цѣлой семьѣ, въ отцѣ и его трехъ сыновьяхъ, хотя и отличающихся каждый своими особенностями, тѣмъ не менѣе носящихъ съ собою въ большей или меньшей степени типическій отпечатокъ Карамазовскаго рода. Отличительная черта Карамазовыхъ — это безудержъ, который въ каждомъ изъ членовъ этой семьи выражается по своему. Въ старикѣ Карамазовѣ, развратномъ, безтолковомъ самодурѣ, безудержъ этотъ выражается, конечно, въ самой грубой, матеріальной формѣ. Одинъ изъ братьевъ, Иванъ, представитель Карамазовщины въ ея идейномъ смыслѣ... Ивану нуженъ безусловный просторъ въ дѣйствіи, его мучитъ «идея», онъ готовъ на всякія жертвы, если только этою жертвою можно достигнута истины сразу, во всей ея полнотѣ... Для Ивана немислимъ тотъ медленный, постоянный подвигъ не ради всего человѣчества, а ради ближнихъ, къ которому насъ дѣлаетъ способными только любовь. Вотъ эта-то любовь и есть отличительная черта младшаго Карамазова, Алеши. Алеша не былъ ни фанатикомъ, ни мистикомъ, это былъ «раннѣйшій человѣколюбецъ». Это былъ юноша, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а увѣровавъ требующій немедленнаго участія въ ней всею силою своей души... Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертье и Богъ существуютъ, то сейчасъ-же сказалъ себѣ: «хочу жить для безсмертья, а половиннаго компромиса не понимаю»... и поступилъ послушникомъ въ монастырь. Точно также, еслибы онъ порѣшилъ, что безсмертья и Бога нѣтъ, то сейчасъ сдѣлался-бы атеистомъ. Сказано: «раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершенъ», — Алеша и сказалъ себѣ: не могу я отдать вмѣсто «всего» два рубля, а вмѣсто «иди за мной» — ходить лишь къ обѣднѣ. И въ этихъ восторженныхъ словахъ Алеши легко сказывался все тотъ-же родовой Карамазовскій типъ съ его нетерпѣливою каждою полною и немедленнаго достиженія, съ его неумѣніемъ удовлетворяться лишь половиной, останавливаться въ раздумьи на распутии — куда идти?... Наконецъ, третій братъ, Дмитрій, былъ какой-то особенный человѣкъ; юность и молодость его протекли безпорядочно, въ гимназіи онъ недоучился, попалъ въ корпусъ, потомъ очутился на Кавказѣ, тамъ дрался на дуэли, былъ разжалованъ, но опять выслужился. Но, не смотря на свой Карамазовскій безудержъ, Дмитрій былъ добръ и великодушенъ. Случилось ему какъ-то выручить изъ бѣды своего командира и уплатить за него недостающихъ четыре тысячи казенныхъ денегъ. Дочь этого командира, Катерина Ивановна, глубоко тронутая этимъ великодушнымъ поступкомъ, полюбила Дмитрія. Дмитрій объявленъ былъ ея женихомъ, но потомъ, увлекшись красавицей Грушенькой, измѣнилъ ей... Не смотря на все это, Катерина Ивановна продолжала любить своего бывшаго жениха... Случилось, что Дмитрій какъ-то въ трактирѣ поссо-

рился съ однимъ отставнымъ офицеромъ Снѣгиревымъ, схватилъ его за бороду, вытащилъ на улицу и въ такомъ видѣ протащилъ его довольно большое пространство. Сынъ этого офицера, Илюша, бѣжалъ подлѣ, плакалъ вслухъ, бросался къ прохожимъ, прося защитить отца, но все только смѣялись... Катерина Ивановна узнала объ этомъ, узнала она и то, что оскорбленный офицеръ содержитъ громадную семью и живетъ въ ужасной нищетѣ... Желая чѣмъ-нибудь загладить дикій поступокъ Дмитрія, эта любящая дѣвушка упростила Алешу передать отъ ея имени Снѣгиреву двѣсти рублей. Алеша пошелъ къ Снѣгиреву и вызвалъ его для объясненія за городъ... Здѣсь старикъ рассказалъ подробно всю эту возмутительную исторію. Грустиѣ всего было то, что свидѣтелемъ ея былъ Илюша, выходившій въ это время изъ школы. Вотъ теперь школьники и проходу не даютъ Снѣгиреву на улицѣ, все называютъ его «мочалкой», а Илюша знаетъ все это и страдаетъ за отца... Похудѣлъ, истомился бѣдный мальчикъ, придетъ со школы домой, припадетъ къ окну, дѣлаетъ видъ, что уроки учитъ, да не уроки у него на умѣ... Видитъ это старикъ Снѣгиревъ и жаль ему бѣднаго мальчика... Вотъ какъ-то вечеромъ и пошелъ онъ прогуляться съ Илюшей. Идутъ они, а мальчикъ крѣпко сжимаетъ руку отца, потомъ вдругъ какъ бросится къ нему на шею, зарыдалъ, затрясся весь: «Папа», говоритъ онъ, «наша, какъ онъ тебя унизил! Не мирись съ нимъ, я вырасту, убью его...» А у самого глазенки такъ и горятъ, такъ и сверкаютъ... Алешу очень тронулъ рассказъ Снѣгирева и онъ, объяснивъ порученіе Катерины Ивановны, протянулъ ему двѣ сторублевныя бумажки. Кредитки произвели, казалось, на Снѣгирева страшное впечатлѣніе. Помощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ... Потомъ онъ заговорилъ чрезвычайно торопясь, точно боялся, что ему не дадутъ высказать всего. Теперь вѣдь, мечталъ онъ вслухъ, можно будетъ полѣчить его дорогую Нюочку, большую, горбатенькую его дочку, а Варю послать на курсы въ Петербургъ, да и дома все будутъ сыты и одѣты... Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ Снѣгиреву столько счастья и хотѣлъ-было обнять его, до того онъ былъ доволенъ, что исполнилъ порученіе Катерины Ивановны, но, взглянувъ на Снѣгирева, онъ вдругъ остановился. Снѣгиревъ стоялъ съ изступленнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ и что-то шепталъ губами. Потомъ, показавъ Алешѣ обѣ радужныя бумажки, которыя все время бережно держалъ за уголокъ, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко зажалъ въ кулакъ, затѣмъ поднявъ вверхъ руку, со всего розмаха бросилъ обѣ смятыя бумажки на песокъ и съ какою-то дикою злобою сталъ топтать ихъ ногами. Потомъ онъ отскочилъ назадъ и выпрямился передъ Алешей. Весь видъ его изображалъ какую-то неизъяснимую гордость. «Доложите посланнымъ васъ, что «мочалка» чести своей не продаетъ-съ!» вскричалъ онъ простирая на воздухъ руку. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать, но пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, обернулся и какою-то уже плачущею, срывающеюся скороговоркой прокричалъ: — «А чтожь-бы я моему мальчику-то сказалъ, еслибъ у васъ деньги за позоръ нашъ взяли?»

МОВѢСТЬ «Хозяйка»—одно изъ первыхъ, юношескихъ произведеній Достоевскаго, была встрѣчена критикою очень враждебно. Въ авторѣ «Бѣдныхъ людей» увидѣли полный упадокъ таланта, и слава его на время была развѣнчана... Герой этой «злосчастной» повѣсти—Ордынѣвъ, молодой человѣкъ, вполне отдавшійся наукѣ и ради ея позабывшій о существованіи всего остального. Наука для него обратилась въ какую-то страсть, она медленнымъ, упорнымъ ядомъ отравляла его молодость, отнимала у него свѣжій воздухъ, лишала его солнца, которое никогда не проникало въ его душную, рабочую комнату, заваленную книгами и рукописями. Ордынѣвъ въ наукѣ самъ создавалъ себѣ систему, и съ годами въ душѣ его возставалъ мало-по-малу какой-то дивный образъ идеи, воплощенной въ новую, просвѣтленную форму, онъ чувствовалъ ея оригинальность, ея истину и самобытность, и она просилась изъ души его, терзая эту душу... Когда, однажды, необходимость искать себѣ новую квартиру заставила Ордынѣва выйти на воздухъ, его поразили шумныя, многолюдныя улицы столицы,—онъ такъ одичалъ въ своемъ уединеніи, что ему и въ голову не приходило, что тамъ, за стѣнами его рабочей комнаты, есть другая жизнь,—шумная, гремящая, вѣчно волнуемая, вѣчно мѣняющаяся... Все ему казалось ново и странно, все поражало его. Всякая мелочь останавливала на себѣ его вниманіе, рождала идею, наводила на размышленія, и ему, впервые, стало досадно, что онъ заживо похоронилъ себя въ своей душевной кельѣ. Онъ съ любопытствомъ всматривался въ попадавшихъ ему на встрѣчу людей, въ ихъ лица, то веселыя, то грустныя, озабоченныя, и ему бессознательно захотѣлось втѣснить и себя въ эту чуждую для него жизнь, которой онъ не зналъ, но о которой подозрѣвалъ инстинктомъ художника... Ордынѣвъ сталъ думать о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, о своей теперешней жизни, и онъ почувствовалъ, что всю жизнь былъ одинокъ, что его никто никогда не любилъ, всѣ смотрѣли на него, какъ на чудака, всѣ сторонились отъ него,—да и ему самому никого не удавалось любить... Подъ наплывомъ такихъ неожиданно нахлынувшихъ мыслей, Ордынѣвъ зашелъ въ церковь. Служба только-что окончилась, и церковь была почти пуста. Лучи заходящаго солнца, пробиваясь сквозь узкое окно, ярко освѣщали одинъ изъ предѣловъ храма. Въ глубокой тоскѣ прислонился Ордынѣвъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу церкви. Онъ забылся на мгновеніе, но чьи-то шаги привели его въ себя. Въ церковь вошли двое прихожанъ, и какое-то невыразимое любопытство овладѣло Ордынѣвымъ при видѣ этихъ людей. Это были старикъ и молодая женщина. Старикъ, одѣтый въ длинный, черный кафтанъ на мѣху, былъ большого роста, но необыкновенно худъ и болѣзненно блѣденъ. Длинная, сѣдая борода падала ему на грудь, а изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей сверкалъ взглядъ, лихорадочно воспаленный и надменный. Женщина была

лѣтъ двадцати и чудно прекрасна. Какая-то задумчивая важность была разлита во всей ея фигурѣ... Старикъ и ея спутница остановились посреди церкви и поклонились на всѣ четыре стороны, хотя церковь была пуста,—потомъ они подошли къ большому образу Богородицы. Женщина упала на колѣни передъ иконою, а старикъ взялъ копецъ покрыва, висѣвшаго у иконы, и накрылъ имъ ея голову. Глухое рыданіе раздалось въ церкви... Ордынѣвъ былъ пораженъ этою сценою... Молодая женщина подняла голову и свѣтъ лампы озарилъ ея прелестное лицо, старикъ подаль ей руку, и они тихо пошли изъ храма... Когда они проходили подлѣ Ордынѣва, онъ не могъ оторвать глазъ отъ лица молодой женщины, на глазахъ ея сверкали слезы, на губахъ мелькала какая-то дѣтская улыбка, полная страха и таинственнаго ужаса. Встрѣча эта произвела на Ордынѣва ужасное впечатлѣніе, передъ нимъ все время стояли эти кроткія, потрясенныя умиленіемъ и ужасомъ, черты незнакомки. На другой день онъ опять пошелъ въ ту же церковь и тамъ снова увидѣлъ эту женщину. Сквозь толпу богомольцевъ и нищихъ протѣснился къ ней и сталъ на колѣни рядомъ съ нею. Порою, онъ встрѣчалъ ея удивленный и свѣтлый взглядъ, она не разъ оборачивалась къ нему, видно было, какъ все сильнѣе и сильнѣе росло ея удивленіе, и она вся вспыхнула, будто заревою. Служба кончилась, изъ толпы явился опять вчерашній старикъ и взялъ ея за руку. Ордынѣвъ встрѣтилъ желчный, насмѣшливый взглядъ старика, и какая-то злоба стѣснила его грудь. Ордынѣвъ пошелъ слѣдомъ за ними, почти силою ворвался къ нимъ въ домъ и снялъ у нихъ комнату... Затѣмъ послѣдовало оближеніе и мучительная, роковая любовь Ордынѣва къ хозяйкѣ—Катеринѣ, связавшей свою жизнь, свою судьбу съ этимъ ужаснымъ старикомъ—книжникомъ, содержателемъ воровскаго притона, убійцею ея родителей. Какимъ ужасомъ, какою жалостью вѣяло отъ исповѣди этой несчастной женщины, продавшей свою душу этому ужасному старику, опугавшему ее сѣтями преступленія. Когда Ордынѣвъ пришелъ въ себя послѣ горячки, случившейся съ нимъ послѣ разлуки съ Катериною и его попытки зарѣзать старика,—жизнь потеряла для него всякое значеніе, онъ сталъ задумываться и впасть въ мрачную, злую ипсихондрию. Иногда прежняя страсть къ наукѣ, прежній жаръ и образы, созданные имъ—ярко возставали изъ прошедшаго, но они только давили, мучили его душу и окончательно убивали всякую энергію. Только одна мысль, мысль о Катеринѣ попрежнему владѣла имъ. Ему казалось, что какая-то необъяснимая тайна связывала Катерину со старикомъ. Какая это тайна, онъ не зналъ, но ему непрерывно чудилась эта глубокая, безвыходная тиранія надъ бѣднымъ, беззащитнымъ созданіемъ и «слабое» сердце его смущалось и трепетало безсильнымъ негодованіемъ.

ВЪ НАЧАЛѢ семидесятихъ годовъ вышелъ романъ «БѢсы». Иносказательный смыслъ этого страннаго заглавія одного изъ большихъ произведеній Достоевскаго объясняется въ концѣ романа. Одинъ изъ его героевъ при чтеніи евангельской притчи о бѣсахъ, говорить, что бѣсы, выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней—это всѣ язвы, всѣ бѣсы и бѣсенята, покоившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка и вѣка.. Какой-то тайный бѣсъ мучить и одного изъ самыхъ даровитыхъ и симпатичныхъ представителей «бѣснующагося» общества—Николая Ставрогина. Первое воспитаніе мальчика поручено было нѣкому Верховенскому, большому либералу и идеалисту, мпрившемуся, впрочемъ, съ крѣпостничествомъ... Когда на шестнадцатомъ году Ставрогина повезли въ лицей, это былъ тихій, задумчивый юноша. Кончивъ курсъ, Ставрогинъ по желанію своей матери, богатой помѣщицы, поступилъ въ военную службу въ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Очень скоро до Варвары Петровны Ставрогиной стали доходить слухи о безумныхъ кутежахъ сына. Верховенскій всячески старался успокоить тревогу Варвары Петровны, онъ увѣрялъ, что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи его бывшаго воспитанника и что все это похоже на юность Шекспировскаго принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ... Но вотъ получено было извѣстіе, что «принцъ Гарри» имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповаль, а другого искалѣчилъ и вслѣдствіе такихъ дѣяній отданъ подъ судъ. Дѣло окончилось разжалованіемъ въ солдаты и ссылкой въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, впрочемъ, вскорѣ онъ опять былъ произведенъ въ офицеры, но сейчасъ-же вышелъ въ отставку. Тутъ Варвара Петровна окончательно потеряла его изъ виду. Уже посторонними путями доискались какъ-то, что Ставрогинъ опять въ Петербургѣ, живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ безсапожными чиновниками, оставшими военными, благородно просящими милостыню, дни и ночи проводить въ какихъ-то трущобахъ, опустился, оборвался, но повидимому во всемъ этомъ находитъ удовольствіе... Наконецъ Варвара Петровна розыскала сына и уговорила его пріѣхать къ ней. Каково-же было удивленіе губернскаго общества, съ такою жадностью передавашаго слухи объ ужасномъ паденіи молодого Ставрогина, когда вмѣсто воображаемаго грязнаго, испитого оборванца, увидѣли предъ собою очень хорошо одѣтаго, красиваго молодого человѣка. Всѣ находили его чрезвычайномъ умнымъ и разсудительнымъ. Но вдругъ звѣрь показала свои когти и «принцъ Гарри», совершенно неожиданно, ни съ того, ни съ сего, сдѣлалъ двѣ, три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ въ городѣ. Такъ, между прочимъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ и заслуженныхъ лицъ въ городѣ, Петръ Павловичъ Гагановъ, имѣлъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: «Нѣтъ-съ, меня не проведутъ за носъ!» Какъ-то въ клубѣ когда Гагановъ въ горячемъ спорѣ произнесъ этотъ афоризмъ, Ставрогинъ, стоявшій

въ сторонѣ и даже не принимавшій участія въ разговорѣ, вдругъ подошелъ къ Гаганову, крѣпко, двумя пальцами, ухватилъ его за носъ и въ такомъ видѣ протянулъ за собою Петра Павловича шага два, три по залѣ. Можно вообразить себѣ тотъ взрывъ всеобщей ненависти, съ которой всѣ накинулись тогда на «буяна и столичнаго бреттера»... Въ поступкѣ его видѣли какой-то наглый умыселъ и желаніе разомъ оскорбить все общество. Ставрогинъ поспѣшилъ уѣхать за границу...

Когда онъ, спустя четыре года, опять посѣтилъ свой родной городъ, въ обществѣ успѣли почти забыть о немъ. Помнилъ его только Артемій Петровичъ Гагановъ,—это былъ богатый помѣщикъ, бывший гвардеецъ. Главнымъ поводомъ къ оставкѣ послужила преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамиліи, послѣ обиды, нанесенной его отцу въ клубѣ, четыре года тому назадъ Николаемъ Ставрогинымъ. Воспользовавшись пріѣздомъ Ставрогина, Гагановъ поспѣшилъ прислать ему вызовъ. Дуэль назначена была на полянѣ на той рощицы, не далеко отъ города. Гагановъ прибылъ со своимъ секундантомъ въ щегольскомъ, англійскомъ шарабанѣ парой, при нихъ находился слуга. Почти въ ту-же минуту явились и Ставрогинъ со своимъ секундантомъ, но не въ экипажѣ, а верхами и то-же въ сопровожденіи верховаго слуги. Мнительный, быстро и глубоко оскорблявшійся, Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое оскорбленіе, въ томъ смыслѣ, что враги слишкомъ, стало быть, надѣялись на успѣхъ, если даже не предполагали нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости. Ставрогинъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, казался очень усталымъ, хмурился и не скрывалъ своего неприятнаго расположенія духа. Вчерашній дождь не оставилъ совѣтъ, но было мокро, сыро и вѣтренно. Низкія, мутныя разорванныя облака быстро неслись по холодному небу; утро было очень грустное... Секунданты бросили жребій, отмѣрили барьеръ, разставили противниковъ, экипажъ и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ. Со словомъ «три», противники направились другъ на друга. Гагановъ поднялъ пистолетъ и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ, но увѣрившись, что даль промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Ставрогинъ, поднялъ пистолетъ и выстрѣлилъ совѣтъ почти не цѣлясь. Гагановъ еще болѣе сталъ злиться, видя, что Ставрогинъ, стрѣляетъ на воздухъ. Соплился опять, опять промахъ у Гаганова, и опять выстрѣлъ вверхъ у Ставрогина. Гагановъ потребовалъ стрѣлять третій разъ. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самаго барьера и сталъ прицѣливаться. Выстрѣлъ былъ довольно мѣтокъ и шляпа Ставрогина была пробита насквозь. «Стрѣляйте, не держите противника!» прокричалъ секундантъ Гаганова, видя, что Ставрогинъ, какъ-бы забылъ о выстрѣлѣ, разсматривая свою шляпу. Ставрогинъ на этотъ разъ безъ всякой уже деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рощу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный. Ставрогинъ бросилъ пистолетъ и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу...

15

В ДОМѢ губернатора готовился балъ. Юлія Михайловна фонъ-Лембке хлопотала объ устройствѣ вечера въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ, а самъ губернаторъ фонъ-Лембке становился все грустнѣе и задумчивѣе... Въ городѣ не все было спокойно. На фабрикахъ Шпигулиныхъ появилась эпидемія и владельцы фабрики поспѣшили на время прекратить работы. Рабочіе стали волноваться и въ городѣ носились даже слухи о поджогахъ и грабежахъ. Говорили, что смутами этими воспользовался социалистическій кружокъ, пріютившійся въ этомъ городѣ, и среди рабочихъ стали появляться даже прокламаціи и воззванія... Все это, конечно, беспокоило Лембке, болѣе всего забочась объ усиленіи губернаторской власти и въ силу этого предпринявшаго нѣкоторыя слишкомъ суровыя мѣры, отъ которыхъ безпорядки въ городѣ только усилились. Не смотря на такое «смутное» время, приближался день праздника, на который такъ много надеждъ возлагала Юлія Михайловна, мечтавшая примирить и сблизить губернское общество. Балъ предполагался блистательный, ходили слухи о заѣзжихъ князьяхъ съ лорнетами, о десяти распорядителяхъ съ бантами на лѣвомъ плечѣ, о томъ, что знаменитый писатель Кармазиновъ, для увеличенія сбора, согласился выступить предъ публикою и прочесть свое новое произведеніе «Мегсі», о томъ, что будетъ «кадриль литературы», вся въ костюмахъ, и каждый костюмъ будетъ изображать собою какое-нибудь направленіе; наконецъ, въ костюмѣ-же пропляшетъ и какая-то «честная русская мысль»—все это, конечно, было ново, интересно, и билеты на это празднество раскупались бойко. Праздничный день по программѣ былъ раздѣленъ на двѣ части, на литературное утро, съ полудня до четырехъ и балъ, съ десяти часовъ вечера. Но это раздѣленіе праздника на два отдѣленія возбудило много неудовольствій, такъ какъ дамамъ пришлось готовить два костюма—утренній для чтенія и бальный—для танцевъ. Почти всѣ чиновники забрали впередъ жалованье, заложили все, что можно было, а иные помѣщики продали даже необходимый скотъ все для того, чтобы дочерей и женъ своихъ нарядить «маркизами» и быть не хуже другихъ. Все это, конечно, отражалось на настроеніи губернскихъ обывателей и, оплошай въ чемъ-нибудь балъ, взрывъ негодованія будетъ неслыханный, быть можетъ, потому каждый про себя и ожидалъ какого-нибудь скандала. Дѣйствительно, началось съ того, что литературное утро не удалось, Кармазинова публика не оцѣнила, въ залѣ появилось нѣсколько пьяныхъ, было нѣсколько недоразумѣній... Всѣ надежды возлагались на балъ, но и тутъ была неудача. Изъ почетныхъ, сановныхъ гостей никто не пріѣхалъ, дамъ было очень мало да и то были все болѣе жены армейскихъ оберъ-офицеровъ, двѣ-три помѣщицы изъ бѣдненькихъ, да разная почтамтская и чиновничья мелюзга. Того-ли ожидала губернаторша?! Даже купцы на половину не съѣхались! Мужчинъ было, конечно, много, но многіе изъ нихъ производили какое-то подозрительное впечатлѣніе. Явилось даже нѣсколько такихъ личностей, про которыхъ трудно было сказать, откуда онѣ взялись... Всѣ страшно

критиковали балъ и бранили губернаторшу безъ всякой церемоніи. Вообще въ залѣ стоялъ какой-то гулъ отъ безпорядочной, отрывистой, хмѣльной болтовни, такъ что трудно было разобрать, чѣмъ именно всѣ недовольны и возмущены. Изъ городскихъ сановниковъ очутился на балѣ одинъ только отставной какой-то генералъ. Онъ важно расхаживалъ по заламъ, присматривался, прислушивался и старался показать видъ, что пріѣхалъ сюда больше для наблюденія нравовъ, чѣмъ для собственнаго удовольствія. Впрочемъ, онъ пристроился потомъ къ сконфуженной, едва не плачущей губернаторшѣ, видимо стараясь ее ободрить и успокоить. Губернаторъ тоже былъ въ какомъ-то забвеніи и, кажется, плохо сознавалъ, зачѣмъ онъ сюда попалъ... Публика какъ-то сторонилась подалеже отъ губернаторской четы и только изрѣдка бросала на нихъ вызывающіе взгляды. Наконецъ, началась и «кадриль литературы»,—публика обступила танцующихъ. Весь буфетъ до послѣдняго человѣка разомъ ввалился въ залу. Кадриль состояла изъ шести паръ жалкихъ масокъ... «Честная русская мысль» изображалась въ видѣ господина среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, во фракѣ и перчаткахъ. Подъ мышкой у этой «мысли» была портфель съ какимъ-то дѣломъ. Въ приподнятой правой рукѣ «честная русская мысль» держала бокалъ, какъ будто желая провозгласить тостъ. Все это было неостроумно, и неинтересно. Всѣмъ стало какъ-то стыдно, даже на самыхъ угрюмыхъ физиономіяхъ, явившихся изъ буфета, отразилось какое-то недоразумѣніе. Мало-по-малу публика загудѣла... Губернаторъ началъ съ безпокойствомъ озираться кругомъ... Между тѣмъ одинъ изъ танцующихъ прошелся по залѣ вверхъ ногами. Это, конечно, развеселило публику, раздались громкіи смѣхъ. Губернаторъ окончательно растерялся и ни съ того, ни съ сего громко приказалъ вывести изъ залы всѣхъ, кто смѣется... Публика загудѣла и загрохотала. Изъ толпы кто-то обозвалъ губернатора дуракомъ. Положеніе фонъ-Лембке было критическое... Но вдругъ раздались чей-то истерическій, женскій крикъ: «Пожаръ! Все Зарѣчье горитъ!» Въ залѣ поднялась тревога. Всѣ бросились къ окнамъ, мигомъ раздвинули гардины, сожвали шторы. Зарѣчье пылало... Пожаръ только что начался, но горѣло въ трехъ мѣстахъ, совершенно разныхъ, все это и испугало, тѣмъ болѣе, что большая половина собравшейся публики была изъ Зарѣчья—владельцы мѣстныхъ деревянныхъ домовъ или ихъ обыватели. «Поджогъ! Шпигулинскіе! Насъ и собрали сюда нарочно, чтобы тамъ поджечь!»—вопили въ толпѣ. Губернаторша упала въ обморокъ. Губернаторъ бормоталъ нѣчто несвязное, его усадили въ карету, но онъ все рвался на пожаръ. Публика, конечно, моментально разбѣжалась, хотя нѣсколько человѣкъ осталось въ залѣ. Музыку не хотѣли отпускать и уходившихъ музыкантовъ избили. Всю ночь пили, плясали камаринскую, и только на разсвѣтѣ часть этой ватаги подошла на догоравшее пожарище, на новыя безпорядки... Другая же половина такъ и заночевала въ залахъ, на бархатныхъ диванахъ и на полу. По утру, при первой возможности ихъ вытащили за ноги на улицу. Тѣмъ и кончилось празднество въ пользу гувернантокъ...

КАРТИНА XIV-я. — „УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ“ (Т. IV, стр. 9, изд. 3-е, 1889 г.).

РОМАНЪ «Униженные и оскорбленные» написанный Достоевским уже по возвращении его из Сибири, громко засвидетельствовал о томъ, что ссылка не подорвала въ этомъ писателѣ его творческой силы. Рассказъ въ этомъ романѣ ведется отъ лица молодого писателя Ивана Петровича, котораго Достоевскій надѣлилъ очень многими чертами изъ своей собственной жизни. Однимъ изъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», которымъ посвящено это произведение, былъ и старикъ Смитъ, котораго Иванъ Петровичъ почти ежедневно встрѣчалъ въ кондитерской Миллера. Но и раньше, до этого, старикъ всегда производилъ на него какое-то болѣзненное впечатлѣніе... Его высокій ростъ, необыкновенная худоба тѣла, сторбленная спина, мертвенное восмидесятилѣтнее лицо, старое, разорванное по швамъ пальто, изломанная, круглая шляпа, прикрывавшая его обнаженную голову, на которой уцѣлѣлъ клочекъ, уже не сѣдыхъ, а бѣложелтыхъ волосъ—невольно поражали всякаго, встрѣчавшаго его въ первый разъ... Большіе, но тусклые глаза старика, вставленные въ какіе-то синіе круги, всегда глядѣли прямо передъ собою, но казалось, ничего не видѣли, по крайней мѣрѣ старикъ постоянно натыкался на улицѣ на встрѣчныхъ прохожихъ. Когда оба они шли по улицѣ, господинъ впереди, а собака за нимъ слѣдомъ, то, казалось, они дополняли другъ друга и составляли собою что-то цѣлое, неразведимое... Въ кондитерской старикъ держалъ себя очень странно, онъ никогда не бралъ въ руки ни одной газеты, никогда ничего не спрашивалъ, не произносилъ за все время ни одного слова. Онъ сидѣлъ, смотря предъ собою во всѣ глаза, но такимъ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, что навѣрное можно было сказать, что онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ. Собака-же, покружившись, раза два или три на одвомъ мѣстѣ, угрюмо укладывалась у ногъ старика, глубоко вздыхала и, вытянувшись во всю свою длину, тоже оставалась неподвижною на весь вечеръ, точно умирала на это время. Насидѣвшихъ часа три, четыре, старикъ вставалъ, бралъ свою шляпу и уходилъ изъ кондитерской. Поднималась и собака, и опять поджавъ хвостъ и свѣсивъ голову, машинально слѣдовала за нимъ... Какъ-то въ одинъ изъ морозныхъ вечеровъ, войдя въ кондитерскую Миллера, Иванъ Петровичъ увидѣлъ, что старикъ съ собакою уже здѣсь, на обычномъ своемъ мѣстѣ. Прочитавъ нѣсколько газетъ, Иванъ Петровичъ собрался было уже уходить, но въ эту минуту нѣмая сцена, происходившая въ комнатѣ, остановила его. Старикъ по обыкновенію упирался куда-нибудь своимъ взглядомъ и уже не сводилъ его на другой предметъ во весь вечеръ; приходилось и Ивану Петровичу иногда попадаться подъ этотъ взглядъ, опущеніе, конечно, неприятное... Но на этотъ разъ жертвою старика сдѣлался одинъ изъ посѣтителей кондитерской, розовенькій, чрезвычайно опрятный нѣмецъ, Шульцъ. Его невольно озадачилъ пристальный, неподвижный взглядъ старика, ему показалось даже страннымъ и обиднымъ, что его такъ пристально и безцеремонно разсматриваютъ. Съ подавленнымъ негодованіемъ отвелъ Шульцъ глаза отъ неделикатнаго гостя, пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ и молча закрылся газетой, но когда, минуты черезъ двѣ, выглянувъ изъ-за газеты, онъ опять встрѣтилъ тотъ-же упорный взглядъ старика, Шульцъ не выдержалъ, и весь красный отъ гнѣва и досады, въ свою очередь уставился своими маленькими, воспаленными глазками на старика. Казалось, оба они, и нѣмецъ, и его противникъ, хотѣли пересилить другъ друга магнетическою силою своихъ взгля-

довъ и выжидали, кто раньше сдастся и опуститъ глаза. Сцена эта обратила общее вниманіе и становилась очень комическою, тѣмъ болѣе, что старикъ, ничего не подозрѣвая, попрежнему упорно смотрѣлъ на разсвирѣпѣвшаго Шульца.

Наконецъ, нѣмецъ не выдержалъ и рѣшился прикрикнуть на старика, но тотъ даже и не слыхалъ облика. Тогда самъ хозяинъ кондитерской, Миллеръ, по требованію Шульца, нагнулся къ самому уху старика, думая, что онъ глухъ, и прокричалъ, что «каспадия Шульцъ проситъ прилежно не взирать на него»... Только тогда старикъ очнулся и на лицѣ его обнаружился признакъ какого-то безпокойнаго волненія. Онъ засуетился, нагнулся, крихтя, къ своей шляпѣ, торопливо схватилъ ее вмѣстѣ съ палкой, и съ какой-то жалкой улыбкой, униженной улыбкой бѣдняка, котораго гонять съ занятаго имъ по ошибкѣ мѣста, поднялся со стула и сталъ кликать свою собаку, Азорку, которая лежала, не шевелясь, на полу и, повидимому, крѣпко спала, заслонивъ свою морду обѣими лапами. Но Азорка не пошевелинулась. Старикъ еще нѣсколько разъ окликнулъ собаку, но та оставалась въ прежнемъ положеніи. Палка выпала изъ рукъ старика... Онъ нагнулся, сталъ на колѣни и обѣими руками приподнялъ морду Азорки, но собака была мертва... Азорка умеръ незлышно у ногъ своего хозяина, можетъ быть, отъ старости, а, можетъ быть, и отъ голода. Старикъ съ минуту глядѣлъ на него, какъ пораженный, потомъ тихо склонился къ своему вѣтрному слугѣ и другу и прижалъ свое блѣдное лицо къ мертвой мордѣ Азорки. Прошла минута молчанія, — всѣ были тронуты этою нѣмою сценою. Наконецъ, старикъ приподнялся и, улынувшись какою-то странною улыбкою, неровнымъ шагомъ вышелъ изъ кондитерской. Иванъ Петровичъ бросился велѣдь за старикомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кондитерской былъ узкій, темный переулочекъ; здѣсь, въ углу, у забора, окружавшаго огромный, обставленный лѣсами, строящийся домъ, Иванъ Петровичъ увидѣлъ старика. Онъ сидѣлъ на приступкѣ деревяннаго тротуара и обѣими руками, опершись локтями на колѣни, поддерживалъ свою голову. Иванъ Петровичъ сѣлъ подлѣ старика и предложилъ ему отвезти его домой. Старикъ молчалъ, потомъ хотѣлъ-было приподняться, но опять упалъ на землю и началъ что-то бормотать хриплымъ удушливымъ голосомъ. Иванъ Петровичъ нагнулся къ старику, стараясь разобрать, что онъ говоритъ, но старикъ притихъ... Иванъ Петровичъ схватилъ его за руку, но рука упала, какъ у мертваго; онъ тревожно заглянулъ ему въ лицо, дотронулся до него, но старикъ былъ уже мертвъ... Прошло много времени, прежде чѣмъ Ивану Петровичу удалось узнать исторію этого несчастнаго, сумасшедшаго старика. Это была исторія отца, оскорбленнаго когда-то своею дочерью, которой онъ отказывалъ въ прошеніи до послѣдней минуты ея жизни, и только въ послѣднюю минуту ономнилъ и прибѣжалъ простить ее, но уже засталъ одинъ холодный трупъ вмѣсто той, которую любилъ больше всего на свѣтѣ. Мрачная это была исторія, одна изъ тѣхъ мрачныхъ мучительныхъ исторій, которыя такъ часто и непримѣтно, почти таинственно, сбываются подъ тяжелымъ петербургскимъ небомъ, въ темныхъ, потаенныхъ закоулкахъ огромнаго города, среди вѣбалошняго кипѣнія жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересовъ, угрюмаго разврата, сокровенныхъ преступленій, среди всего этого кромѣшняго ада безсмысленной и ненормальной жизни...

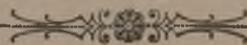

КАРТИНА XV-я. — „БѢДНЫЕ ЛЮДИ“ (т. I, стр. 41, изд. 3-е, 1889 г.).

МОЛОДОМУ поэту честь и слава, муза котораго любила людей чердаках и въ подвалах и говорить о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди,—ваши братья! — такимъ сочувственнымъ словомъ привѣтствовалъ Бѣлинскій выходъ въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Дѣйствительно, уже въ этомъ, первомъ произведеніи ярко обрисовались отличительныя черты всей послѣдующей дѣятельности этого гуманнаго писателя. Любовь къ человѣчеству, къ людямъ бѣднымъ, забытымъ, приниженымъ, сочувствіе и состраданіе ко всемъ униженнымъ и оскорбленнымъ—вотъ главнѣйшіе мотивы всѣхъ твореній Достоевскаго. Герои его первой повѣсти—воплѣ «Бѣдные люди» и что можетъ быть трогательнѣе переписки этихъ двухъ обездоленныхъ существъ: — Вареньки, несчастной, такъ много перетерпѣвшей горя, дѣвушки и Макара Алексѣевича Дѣвушкина,—скромнаго, одинокаго старика-чиновника, живущаго впроголодь на чердакѣ гдѣ-то и отказывающаго себѣ во всемъ самомъ необходимомъ, на томъ только основаніи, что «совѣстно табакъ курить, когда у другого недостаетъ и насущнаго хлѣба»... Но довольствуясь самъ такимъ скромнымъ положеніемъ, онъ не можетъ помириться съ мыслию, чтобы такая-же незавидная судьба выпала на долю и той дѣвушки, къ которой онъ такъ привязанъ;—и вотъ онъ отдаетъ свои послѣдніе гроши, чтобы доставить бѣдной Варенькѣ какое-нибудь удовольствіе или лакомство. Варенька, конечно, была искренне тронута расположеніемъ Дѣвушкина и, желая чѣмъ нибудь отблагодарить своего добраго друга и сдѣлать ему что нибудь угодное и пріятное, посылаетъ ему свой дневникъ, въ которомъ она отмѣчала случаи и воспоминанія изъ своей невеселой, тяжелой жизни. Одними изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ жизни Вареньки были воспоминанія о ея несчастномъ другѣ Покровскомъ... Послѣ смерти отца, Варенька съ матерью пріютились у своей богатой родственницы Анны Ѳедоровны, въ домѣ которой одну изъ комнатъ занималъ бѣдный студентъ Покровскій,—онъ занимался съ Варей и съ племянницею хозяйки, Сашей, и за то получалъ квартиру и столъ. Слабое здоровье и бѣдность не позволяли Покровскому оставаться въ университетѣ и его по привычкѣ только называли студентомъ. Въ квартирѣ Анны Ѳедоровны появлялся иногда отецъ Покровскаго... Это былъ сѣдой, маленькій, очень плохо одѣтый старичекъ, онъ всегда какъ-то ежился, кривлялся, точно стыдился самого себя, своей жалкой фигуры. Придетъ бывало и стоитъ въ сѣняхъ, пока его не замѣтитъ кто и не пригласитъ войти; тогда только старикъ входилъ въ квартиру и на цыпочкахъ, притаивъ дыханіе, пробирался въ комнату къ сыну. Молодой Покровскій не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорили, что мать его была очень красива, до замужества жила у Анны Ѳедоровны и ею-же была выдана замужъ за бѣднаго чиновника Покровскаго. Умерла она очень молодою, года четыре спустя послѣ замужества, и въ мальчикѣ принялъ большое участіе нѣкій господинъ Быковъ, знакомый его покойной матери... Онъ-же и пристроилъ его у Анны Ѳедоровны. Старый Покровскій, этотъ подставной мужъ обманутой женщины, безумно любилъ своего мнимаго сына, говорилъ исключительно объ немъ однимъ и раза два въ недѣлю всегда навѣщалъ его. Сынъ не любилъ этихъ посѣщеній: старикъ мѣшалъ ему читать и заниматься, къ тому-же являлся онъ иногда въ нетрезвомъ видѣ. Старикъ обыкновенно нерѣшительно входилъ въ комнату и садился на кончикъ стула, чутко приглядываясь

къ сыну, желая узнать, въ какомъ онъ настроеніи... Если онъ замѣчалъ, что Покровскій занятъ и недоволенъ его приходомъ, то тихонько, на цыпочкахъ удалялся, чрезъ силу улыбаясь, чтобы скрыть свое смущеніе и накипѣвшее горе... Но какой праздникъ былъ для старика, когда сынъ бывалъ въ духѣ и ласково встрѣчалъ его, онъ подобострастно и съ какимъ-то благоговѣніемъ отвѣчалъ на вопросы сына, всякій разъ приподымаясь со стула. Иногда, поощренный вниманіемъ сына, старикъ до того простиралъ свою смѣлость, что подходилъ къ полкѣ съ книгами и внимательно перелистывалъ одну за другою: старикъ плохо видѣлъ и, вѣроятно, едва разбиралъ заглавія этихъ книжекъ, но продѣлывалъ все это съ особеннымъ достоинствомъ, какъ-бы гордясь, что всѣ эти книжки читаетъ онъ, его умный, горячо любимый Петя... А какъ счастливъ былъ старикъ, когда ему удалось накопить нѣсколько рублей и, сообщая съ Варенькой, подарить сыну въ день его рожденія «Собраніе сочиненій Пушкина». Этотъ день для него былъ, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ счастливейшихъ. Старикъ, одѣтый въ новый фракъ, жилетъ, въ новыхъ сапогахъ, держа подъ мышкою книги, торжественно поздравилъ своего дорогаго сына. Его оставили обѣдать и старикъ отъ радости не могъ усидѣть на мѣстѣ, перебѣгалъ изъ комнаты въ комнату, игралъ съ Варей и Сашей, тихонько дѣлалъ гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ, которую ненавидѣлъ всюю душою... Но счастье не долго улыбалось старику... Молодой Покровскій вскорѣ послѣ дня своего рожденія простудился, къ тому-же постоянные хлопоты въ поискахъ за работою, такъ какъ его мучило то неопредѣленное положеніе, которое онъ занималъ въ домѣ Анны Ѳедоровны,—огончательно подломили его силы, и болѣзнь быстро развилась въ чахотку. Послѣдніе дни жизни Покровскаго старикъ проводилъ въ домѣ Анны Ѳедоровны. Онъ поминутно входилъ въ комнату больного и съ отчаяніемъ смотрѣлъ въ глаза умирающему сыну,—голова его тряслась, губы шептали что-то бессвязное... На ночь старику подстилали какую-то рогожку, у самыхъ дверей въ комнату больного. Покровскій умеръ въ глубокую осень, въ дождливое, хмурое, октябрьское утро... Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили цѣ той деревянный гробъ и наняли ломового извозчика. Хозяйка въ обезпечен. издержекъ захватила было всѣ книги и вещи покойнаго, но старикъ заспо-члѣ, зашумѣлъ, силою отнял у нея нѣсколько книгъ, набилъ ими всѣ карманы, всѣ три дня носился съ ними и не разставался съ ними даже тогда, когда нужно было собираться въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какой-то безпамятный, одурѣлый... Въ церкви были только Варя и старикъ. Наконецъ, гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ, плачь его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя, поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ кажется не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полю его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была кака-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожие снимали шапки и крестились, иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю, онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ...

H. W. ...
92

lt

ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ

С. Е. ДОБРОДѢВА.

Спб., Ковенскій переулочъ, собств, домъ, № 14.

